

The illustration depicts a dramatic scene from a World War II setting. In the foreground, a German soldier in a dark leather uniform and helmet is shown from the chest up, looking slightly to the right with a cigarette in his mouth. He has a pilot's wing badge on his left chest and a submachine gun slung over his shoulder. Behind him, a Soviet soldier in a green hooded uniform is holding a combat knife, looking directly at the viewer with a determined expression. The background features a lighthouse on a rocky shore under a cloudy, sunset-colored sky.

Р.ДАМИРОВ
С.ФИШЕР

ТОМ 3

КРАСНЫЙ
ВЕРВОЛЬФ

Рафаэль Дамиров
Саша Фишер
Красный Вервольф 3
Серия «Красный Вервольф», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69897640
С. Фишер. Р. Дамиров. Красный Вервольф – 3:

Аннотация

Попаданец в 1941 год Александр Волков работает на немцев в оккупированном Пскове, притворяясь безобидным переводчиком. Но когда наступает ночь, Красный Вервольф выходит на охоту.

Для ликвидации таинственного диверсанта в Пскове немецкое командование готовит спецоперацию...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	31
Глава 4	45
Глава 5	59
Глава 6	69
Глава 7	81
Конец ознакомительного фрагмента.	90

**Саша Фишер,
Рафаэль Дамиров
Красный Вервольф – 3**

Саша Фишер

Рафаэль Дамиров

* * *

Глава 1

На платформе визги и крики. Рашер замешкался на секунду, будто раздумывая, тратить ли на меня патрон или нет. Черной дырой дуло угрожающе смотрит на меня. Сейчас доктор напоминал вырвавшегося из преисподней дьявола. Даже глаза горят нездоровым красным блеском. Самое время притвориться ветошью, но я не смог остановиться. Что-то гнало вперед, а перед глазами стояла падающая от ран Марта.

Я сорвал с головы кепку и швырнул ее в обезумевшего доктора. Бах! В ответ на мой нехитрый маневр прогремел выстрел, но я перекатом ушел в сторону.

Меня не зацепило, но судя по воплю, пуля засела в теле одного из зевак. В следующую секунду я распрямылся, как сжатая пружина и очутился возле противника. Тот потерял меня из поля зрения, так как к нам уже спешил станционный патруль. На секунду все внимание изувера переключилось на них.

Он выставил в их сторону руку с пистолетом и захрипел:
– Не приближайтесь! Вы пожалеете!

Солдаты вскинули карабины, но стрелять не решились. Слишком много праздных гостей вокруг. Самое время подключаться мне.

Чувствую на себе взгляды десятков пар глаз. Черт! Захват

руки, залом рычагом, делов-то. Но я на виду! Тюфяк переводчик не может быть умелым бойцом. После такого приемчика у СД много вопросов ко мне возникнет. Придется импровизировать.

Я отчаянно вцепился в руку Рашера, которая сжимала пистолет и неумело повис на ней. Со стороны это выглядело, будто очкарик-зубрила совсем не умеет кулаками махать и единственное, что смог – это на пистолете повиснуть.

– Не стреляйте! – блажил я голосом терпилы, будто пытался вразумить Рашера. – Тут люди, не стреляйте, прошу!

Бах! Снова прогремел выстрел, который чуть не оглушил меня на левое ухо. Вот, сука! Вырвать бы тебе руку с корнем, но нельзя. Выпущенная пуля чиркнула по брусчатке и срикошетила в куст. Это только со стороны казалось, что я неумело борюсь с правой рукой фашиста, в то время как левой он дубасит меня сверху. Но на самом деле его запястье я держал цепко, как стервятник добычу. Пальцы мои впились до хруста, и руку я его повернул так, чтобы он не смог отстреливаться, а лишь бездумно тратил патроны в землю.

– Шайсе! – хрипел Рашер. – Отпусти руку, ублюдок! Я сдеру с тебя кожу живьем! Русская свинья!

Доктор молотил меня левой, но боксер из него, как из танкиста балерина. Я испуганно втягивал голову в плечи и продолжал что-то вопить. Но голову все же берег от тумачков. Прижал подбородок максимально к груди, уткнув нос себе в плечо. Удары принимал на лоб, там самая крепкая кость,

бесполезно в лоб бить.

Так мы пробарахтались несколько секунд пока чертов патруль спешил мне на помощь. Не думал, что буду рад вооруженным фрицам.

Бах! Бах! Продолжал стрелять Рашер. Осталось два патрона – невольно считал я. Только после этих выстрелов до жвачной толпы вдруг дошло, что задница каждого из них в лютой опасности. Если стрелок вырвет руку у очкарика, то кому-то из них придет кирдык. Толпа ломанулась в разные стороны. Поднявшаяся суматоха оттеснила приближающийся патруль.

В рот компот! Долго мне еще изнывать под ударами Рашера?! Хрен, я помощи дождусь. Высокие чины, что присутствовали на празднике и браво носили пистолеты на поясе в момент, когда запахло жареным, вовсе не торопились применить оружие. А притворились мирными кустиками, органично растворившись в толпе. Никто не захотел связываться с вооруженным безумцем. Вот они, хваленные немецкие командиры. Бегут, как крысы, даже форма на серые шкурки похожа. Придется брать инициативу в свои руки.

С громки охом я завалился на бок, будто бы споткнулся, запутавшись в собственных ногах под градом тумачков. Но руку с пистолетом при этом не выпустил. Падая, неуклюже взбрыкнул ногами, будто пытался удержаться, но на самом деле, я подсунул свои конечности под ноги противника. С размахом так подсунул по дуге. Бац! Подсек его ноги, и сва-

лил его на землю. Получилось, что как бы случайно ему подножку подставил.

Рашер встретился с брусчаткой, припечатавшись плечом, но пистолет не выпустил. Упертый гад!

Тянулся ко мне, оскалившись, и пытался откусить ухо. Я снова взбрыкнул, будто хотел вырваться из его цепких лап. При этом слишком сильно мотнул головой. Бам! Лбом припечатал его в нос. Удар получился добрый. Слышно было как хрустнул хрящ. Рашер завыл и наконец выпустил пистолет. Я свернулся клубком, накрыв оружие своим телом, изображая поверженного. И даже голову руками прикрыл.

Рашер вскочил на ноги и зарядил сапогом мне по ребрам. Удар получился смазанным, но чувствительным. Вот, гнида! Еле сдержался, чтобы не прострелить ему живот. Но нельзя... Не стрелок я и не боец, а червь книжный. Валяюсь на земле и от страха трясусь.

На мою радость к нам, наконец, подоспел патруль. Один из рослых фашистов с вытянутой, как у осла мордой, сходу зарядил Рашеру в грудь прикладом карабина.

Тот охнул и осел. Вторым ударом по хребту ослиная морда сложил неугомонного доктора пополам. Поверженного подняли под руки и поставили на ноги. Нос разбит, костюм порван (рукав я ему все-таки оторвал), сам тяжело дышит. Подталкивая, фрицы повели его с платформы, но тут Рашер снова ожил. Отчаянно вцепился одному из конвойных в глаза скрюченными, как когти пальцами. Но патрульные были

начеку. Вмиг отходили его по ребрам и снова уронили на землю.

– Нет! – заорал Рашер, пытаясь вырваться, но руки громил в серой форме держали крепко.

Он трепыхался между двумя эсэсовцами, как цыпленок табака. И смотрел, как его жену грубо подняли с трибуны. Ее правое плечо залито кровью, прическа растрепалась, помада размазана на половину лица, под глазами черные пятна от расползшейся косметики. На секунду мне даже стало жаль несчастную женщину. Тело ее сотрясалось от рыданий, рваное платье вообще никак не прикрывало наготу. А публика... Я бросил быстрый взгляд на толпу. Те уже оправились от паники и снова подтягивались к центру событий. Взгляды были жадные, насмешливые, ироничные. Никакой жалости или сочувствия. Лишь жажда зрелища.

Я снова перевел взгляд на Каролину. Припомнил, что эта самая женщина без всякой жалости и угрызений совести вырвала бы из моей бабушки младенца и выдала бы его за своего. И не стало бы после этого гордой и статной Ньюры. И моего отца. Был бы очередной ублюдок изувера-Рашера. А я бы не родился... И раз я все еще здесь, значит план мой сработал. На одного зверя меньше будет.

– Это он! Это он заставил меня! – пронзительно закричала Каролина, извиваясь всем телом, словно стараясь скрыть от жадных глаз публики свою наготу. – Он сказал, что если у нас не будет детей, то я... То мы... Я не хотела!

Она снова захлебнулась рыданиями.

– Уведите ее, – презрительно скривил губы появившийся из ниоткуда Зиверс и отвернулся. Рядом с ним стояла Доминика и безмятежно улыбалась. Рашера и Каролину патрульные уволокли в разные стороны. Толпа горланила что-то на разные лады, кто-то призывал расстрелять обманщиков прямо здесь. Паровоз добавил к этому шуму еще один пронзительный свист. Да уж, праздник удался, ничего не скажешь...

Бл*ха! Марта!

Я бросился к девушке, которая сломанной куклой лежала на скамейке. Ее оттолкнули, когда арестовывали Каролину, так что она почти съехала в проход. Светловолосая головка свесилась вниз, вырез платья пропитался кровью.

– Марта! – я присел рядом и приподнял ее голову. Веки ее затрепетали, помутневшие от шока глаза уставились на меня.

Сначала бездумно и почти безжизненно, потом взгляд потеплел и обрел осмысленность Ф-ух! Жива...

– Алекс... – пробормотала она. Ее рука дернулась и нашла мою ладонь. – Он меня убил, да?

– Нет, милая, еще нет! – я сжал ее холодеющие пальцы, оглядывая раны.

Две пули. Одна в верхнюю часть груди, вторая... Вторая царапнула по ребрам. Если она еще жива, значит ничего важного не задето. Я вскочил:

– Врача! Доктора сюда, девушка ранена!

Кажется, мой голос потонул в общем гвалте. Никому дела нет. Я вскочил, но пальцы Марты сжали мою руку.

– Алекс, нет! Не уходи! Побудь рядом со мной! – бормотала она.

Губы ее дернулись и чуть скривились. Не то улыбнуться попыталась, не то от боли.

– Марта! – раздался над моим ухом голос графа. – Сейчас тебе помогут! – он вскочил на скамейку и заорал во весь голос. – У вас у всех, что вместо мозгов помет в головах?! Какого черта здесь до сих пор нет медиков?! Моя секретарша ранена! Немедленно позовите врача!

– Алекс, я не хочу умирать... – глаза Марты наполнились слезами, а лицо тронула нездоровая бледность. – Мы же с тобой должны были уехать в Штутгарт... Домик... Трое сыновей. И дочка... Я хотела назвать девочку Гретхен, в честь бабушки. Я хотела научить тебя кататься на горных лыжах...

– Милая, а ну отставить вот это все! – сказал я, склонился к ней и коснулся губами уха. – Этот изверг ранил тебя, но сейчас граф приведет докторов. Они тебя поднимут на ноги. Вот увидишь, все будет хорошо, мы еще покатаемся с тобой в горах на лыжах!

– Алекс, я люблю тебя... – прошептала вдруг Марта и глаза ее начали закатываться.

– Нет-нет, милая, не засыпай! – я потрепал ее по щеке, возвращая в сознание. – Потерпи чуть-чуть, помощь скоро придет. Я здесь, я рядом...

– Дорогу! – раздался со стороны вокзала грозный голос. Рядом с графом появился рослый пожилой дядька в обычной униформе. На погонах – серебряные «эскулапы» – извивающиеся змейки. На плечевом ремне – сложно-витиеватая готическая «А». В руке – увесистый саквояж. А по пятам за ним следует парочка его подручных санитаров с закатанными по садистки рукавами.

Я облегченно выдохнул. На зов графа явился, к счастью, не кто попало, а уверенные и опытные войсковые эскулапы во главе с герром Кутчером. Раньше я про него только слышал. Разок видел, но мельком. Личностью он был почти легендарной, про него в Пскове ходила масса разных баек – от восторженно-нереальных, до анекдотичных. Поговаривали, что как-то ему на операционный стол попал раненый в живот солдат. Сплошное месиво было, почти все решили, что не жилец. Но кто-то за того солдата, видать, свечку поставил кому надо. Послали за Кутчером, буквально стащили его с какой-то шлюхи мертвецки пьяного и дали в руки скальпель. И что? Солдат, у которого все кишки были осколками в ключья порваны, уже через неделю оклемался.

Подробности истории, скорее всего, преувеличены, конечно. Но в любом случае, Кутчер – опытный полевой хирург. Так что у Марты есть все шансы выжить. Вот только крови она потеряла уже изрядно.

Троица эскулапов безапелляционно оттерла меня от Марты, впрочем, я не возражал. Пускай работают. Отошел в сто-

ронку и перевел дух.

«Возьми медаль с полки, дядя Саша!» – подумал я. Вроде и правда все получилось. Рашер, конечно, все еще жив. Его потащили куда-то, наверное в тюрьмку на Плаунер, но после всего, что он натворил здесь... А Каролину, скорее всего, повезут в ту больницу, которую с самого начала сделали женским концлагерем. Технически, у этой парочки есть, наверное, какие-нибудь шансы вывернуться, но не думаю. Все-таки, Рашер пытался нагло обмануть руководство Рейха. А такие вещи этот самый Рейх как-то не склонен прощать. Тем более, когда все публично вскрылось. Много теперь будет пересудов.

Значит, не жалец. Повезет, если какой-нибудь доброхот сунет ему в камеру веревку, на которой тот успеет повеситься. До того, как за него основательно возьмутся нацистские дознаватели.

Мысли мои вернулись к тем несчастным женщинам, которых увезли в Плескау-Шпиттель. И моей бабушке, конечно. Что теперь с ними будет? Ведь Рашер, в конце концов, не единственное заинтересованное лицо в этом учреждении. Могут их просто так отпустить? Хрена с два!

М-да...

Я саркастично усмехнулся. «Все еще веришь в лучшее в людях, дядя Саша?» – подумал я. Вздыхнул, расправил плечи.

Не расслабляемся.

Одна из моих целей достигнута – Рашера повязали, но это так себе повод сесть на жопу ровно и рассчитывать на то, что теперь все как-то само собой образуется. В этот чертов концлагерь, созданный на базе психушки, вгрохали кучу сил и средств. И сделал это вовсе не Рашер, а «Аненербе» по приказу Гимmlера. Значит на это место были планы и кроме экспериментов Рашера.

В общем-то, есть вероятность, что заинтересованные лица, по большей части занимались попиллом бюджета под предлогом изучения мифической ликантропии. Но в любом случае, моя работа пока не завершена. Это же я поменял историю таким образом, что филиал Дахау под Псковом появился. Значит мне и исправлять теперь.

– Он никогда мне не нравился, – граф остановился рядом со мной и наблюдал за слаженной суетой вокруг Марты.

К трибунам уже подкатил фургончик. Двое санитаров развернули носилки, доктор Кутчер бодро раздавал указания.

– Кто не нравился? Рашер? – спросил я.

– Было в нем что-то такое... Отталкивающее, – казалось, что граф разговаривает не со мной, а просто размышляет вслух. – Я слышал об экспериментах, которые он устраивал, но никак не мог понять, для чего все это делается.

– Может быть, теперь это выяснят, – я пожал плечами. – Но стало понятно, для чего он увез в Плескау-Шпиттель так много беременных женщин.

– Что? – брови графа удивленно зашевелились.

– Ну, помните, когда он попросил меня побыть его переводчиком, – сказал я. – Он в тот день собрал в кинотеатре беременных женщин, пообещал всяких благ, а потом приказал погрузить их в грузовик и увезти в Плескау-шпиттель.

– Надо же, а я и не знал... – протянул граф и задумчиво потер холеный подбородок.

Я подумал про себя, что он вообще мало на что обращает внимание, если это не является предметом искусства, старины или не поет в опере. Но сказал другое:

– Теперь понятно, что когда у одной из них родился бы ребенок, Рашер с Каролиной просто отобрали бы его и выдали за своего.

Я внимательно смотрел за реакцией графа. Не сказал бы, что это его шокировало. Аристократичное лицо графа выглядело скорее слегка удивленным, чем всерьез возмущенным.

– Немыслимая наглость, конечно! – выдал он. – Вселил надежду в огромное количество германских женщин, а все оказалось... Пффф... Буффонадой. Очень жаль, очень! Герр Алекс, можно вас попросить о небольшом одолжении?

– Конечно, герр граф, – кивнул я.

– Занесите эту папку ко мне в кабинет, – граф протянул мне кожаный бювар. – А мне нужно пойти прогуляться. Не люблю большие сборища, они меня нервируют. Я должен немного прийти в себя.

– Надеюсь, с Мартой будет все в порядке, – проговорил я.

– Несомненно, – но лицо графа не выражало жалости или сострадания.

Все тот же холодный ум отпечатался на его выбритом до синевы лице.

– Вы проконтролируете ее лечение?

– Она в надёжных руках, Алекс, не стоит волноваться. Марта ценный сотрудник и нужна мне живой.

Сотрудник, бля... Бездушная скотина. Если Марта умрет, ему просто будет жаль, что придётся хлопотать по поводу поиска ее замены.

Граф развернулся на каблуках и направился прочь от вокзала. Я посмотрел на папку и пожал плечами. Что ж, это неплохой повод смыться с места событий. В суматохе с Рашером все даже как-то забыли про выстрел снайпера. Надеюсь, Наташа ушла. Конечно, ушла, по-другому и быть не может...

* * *

До комендатуры я дошел безо всяких приключений. Город казался совершенно безлюдным, будто все жители куда-то разом откочевали. Впрочем, так оно и было. На вокзал и правда пришло большинство.

Часовой дернулся, когда дверь открылась, но, заведев меня сел обратно со скучающим видом, уткнувшись в газету. Я дошел до своего кабинета. Посмотрел на запертую дверь.

Гм.

Обычно двери открывала Марта. Значит, ключи где-то у нее в столе. Впрочем, если не найду, то просто положу папку к себе в стол, а отдам утром. Кстати, интересно, что в ней?

Глава 2

Я внимательно осмотрел бювар, прежде чем открыть. Вряд ли граф до сих пор меня проверяет, но бдительность терять не стоит. На этом столько народу посыпалось, жуть. Но вроде на этой папке не было никаких хитрых уловок. Так что я без зазрения совести извлек несколько листков и пробежал по ним глазами. Нахмурился.

Интересно. На «прибытие поезда» граф уходил без всяких папок. Значит это ему вручили прямо на вокзале. Может быть, кто-то из прибывших из Царского Села, а может и нет. У меня прямо-таки зачесались руки скопировать эти документы, потому что по крайней мере один из них был явная шифровка – просто лист, целиком заполненный буквами. Без пробелов и слов. Кто-то сидел и от руки вписывал. На другой бумажке был список имен-фамилий с адресами и указанием должности. Архивариус, ночной смотритель, экскурсовод... Список сотрудников какого-то музея?

На третьем было написано всего три строчки. Тоже похоже на какой-то шифр.

Свинопас. Свиристели. Колокол. Кирпичи. Свисток. Буженина. Штопор...

Бл*ха, как мобильника-то не хватает! Сейчас бы сфотал

это все и отправил Шалтаю, пусть он голову греет. Переписать?

Я прикинул, сколько времени займет точное копирование этого буквенного квадрата. Да не, ну его на фиг.

Если здесь за каждой шпионской тайной гнаться, то с ума можно сойти.

Я вернул бумаги обратно в бювар и подошел к столу Марты. Интересно, где у нее могут быть ключи?

Я выдвинул верхний ящик. Н-да, идеальный порядок. Ручки в одном отделении, карандаши в другом. Точилки трех диаметров, пресс-папье в форме бронзовых зверушек. Расставлены по размеру. Зеркало, пудреница и флакончик духов – в специальном отдельном отсеке.

Открыл боковую дверцу, выдвинул верхний ящик. Ага, вот и ключи. Хм, интересно. У нее оказывается есть ключи не только от кабинета графа! В ячейке ящика-ключницы были аккуратными рядками выложены ключи с бирочками. Архив, канцелярия, отдел прессы и пропаганды, печатный отдел, отдел медицинской статистики... Надо же, а Марта запасливая девочка! Прямо-таки ключ от всех дверей!

Опа, а ящик-то я не до конца выдвинул... Может у нее и от верхнего этажа ключи есть?

Увы. В самой дальней части ящика лежала пачка писем, перевязанных лентой. Каждое письмо аккуратно подколото к конверту. Обратный адрес – Цюрих, Швейцария. Дата последнего письма – три дня назад. Адресат... Какой-то Мат-

тео Майер. Пробежался из любопытства. Хм, надо же! А ведь этот парень считает, что он ее жених! Пишет, что посмотрел им симпатичный загородный дом, обещает в следующем письме прислать его фото.

Я фыркнул. Ну да, Марта девочка практичная, запасной аэродром на всякий случай всегда нужно иметь. Не удивлюсь, что второй жених у нее в Штутгарте, а третий, на всякий случай, в какой-нибудь Аргентине. Хотя нет, в Аргентине года через два должен будет появиться.

Я сунул пачку практично-любовных писем обратно, достал ключ от кабинета графа и закрыл ящик стола.

* * *

Марта приподняла руку и помахала мне. Выглядела она бледно, но вполне бодрячком. Доктор Кутчер, похоже, отлично справился со своей работой. Умиравшей она ну никак не смотрелась. Это хорошо. Потерять такой превосходный источник получения и распространения информации было бы обидно.

Совість меня, конечно, подгрызала, особенно в те моменты, когда я видел Наташу. Но, что ж поделать, на войне как на войне. Пользуюсь всеми доступными средствами, а их в моем арсенале сейчас не так, чтобы и много. В деле устранения Рашера Марта была просто неподражаема. Хоть и не знала, что это она мое задание на самом деле выполняет.

– Ну как ты тут? – спросил я, присаживаясь на табуреточку рядом с кроватью.

– Могло бы быть и лучше... – Марта надула губки и натянула одеяло до самой шеи. Скрывая бинты на груди.

– Значит еще покатаемся с тобой на горных лыжах, – я склонился к ней и чмокнул ее в щеку. – Может тебе чего-нибудь вкусного принести? Шварц недавно хвастался, что нашел в городе какую-то дамочку, которая сладости всякие делает. Могу спросить...

– Ой, да вот еще, глупости, – Марта махнула рукой. – Расскажи лучше, что снаружи происходит. Мне никто ничего не рассказывает, говорят, что волноваться мне нельзя, надо выздоравливать.

– Я принес тебе свежий номер газеты, – сказал я. – Пишут, что...

– Что сделали с этим... С этим... – лицо Марты стало злым, глаза прищурились. Кажется, она перебирала в голове весь список доступных ругательств, выбирая самое грязное.

– Было публичное разбирательство, – сказал я. – Меня туда не пустили, но потом рассказали, что там произошло. После допроса он признался, что первый ребенок тоже не Каролины. Что они с самого начала знали, что у нее не может быть детей, вот и придумали этот... Гм... Проект.

Про это заседание мне рассказал Юрген, который там был, разумеется. Мероприятие получилось шумным и очень скандальным. Туда пришлось даже вызывать охрану, чтобы

Рашера прямо там не застрелили. Оказывается, он с этим своим обещанием фертильности женщинам за сорок очень много кого задел за живое. Любому эсэсовцу чтобы вступить в брак, требовалось персональное разрешение Гиммлера. А тот искренне был убежден, что брак нужен только и исключительно для того, чтобы истинные арийцы размножались. И крайне неохотно позволял жениться на женщинах старше тридцати. Кого-то перспектива женитьбы на юных белокурых феях радовала, а кто-то наоборот печалился, что не может узаконить отношения со своими «боевыми подругами». И вторые как раз рассчитывали на Рашера. И ждали этого его «дара». В общем, когда секретарь зачитал его показания, один из офицеров выхватил оружие и чуть не пристрелил его прямо в зале. Завязалась потасовка, но все быстро закончилось. Горячий штурмбаннфюрер пришел в себя, попросил прощения и начал требовать суда по всей строгости. Мол, был напуган, пристрелить его сейчас было бы милосердием, а это совсем не то, что требуется этому мошеннику.

– И что теперь? Его расстреляют? – жадно спросила Марта.

– Решение отложили, – сказал я. – О, милая, поговаривают, что там произошла целая драматическая история... – Я пересказал Марте слова Шалтая, в паре мест чуть приукрасив. Она слушала с блестящими глазами. – В общем, пока его посадили в кутузку обратно. Продолжат дознание, чтобы выяснить, где он еще Великому Рейху наврал. И подождут

решения Гиммлера.

– О, рейхсфюрер придет в Плескау? – Марта сделала попытку приподняться, но ее личико тут же скривилось от боли.

– Пока ему просто составили донесение, – сказал я. – А придет или нет, мы узнаем позже.

– Граф отложил поездку в Царское Село? – спросила Марта.

– Нет, – я покачал головой. – Просил пожелать тебе скорейшего выздоровления, но завтра мы уезжаем. На поезде.

– Я буду скучать... – Марта взяла меня за руку и сжала пальцы.

– Выздоровливай быстрее, – с как можно большей теплотой сказал я. – А то граф твою работу на меня переложил.

– Ах ты!.. – Марта сделала большие глаза. – Так вот, значит, как ты по мне скучаешь?! – она тихонько рассмеялась, потом снова поморщилась. – Не надо, не смей меня, мне больно пока смеяться.

Я посидел у нее еще полчаса, пересказал свежие сплетни из комендатуры. Ничего важного. Кто-то подхватил сифилис и пытался этот факт скрыть, но не удалось. Глава канцелярии застал свою жену с русским любовником. Молодежь устроила вечеринку и ночью затащила на крышу театра овцу. Обычное дело, в общем.

Я вышел из госпиталя и посмотрел на часы перед биржей

труда. Почти четыре часа дня. Граф отпустил меня сегодня пораньше, чтобы я зашел поведать Марту. Зато завтра велел явиться к шести утра. С вещами. Потому что мы уезжаем в Царское Село на несколько дней. На три. Или четыре. Граф не определился.

Я вздохнул и покрутил головой. Наташа сказала, что придет на рыночную площадь в половину пятого и велела подождать ее у аптеки. Значит у меня есть еще полчаса, можно перекусить чего-нибудь. А то, что-то мне подсказывает, что Наташа меня вовсе не на свидание пригласила.

Ну что ж...

Я решительно зашагал к площади. Кто-то говорил, что там открыли недавно новую закусочную, надо бы проверить, чем там кормят.

Торговцы уже разошлись, их рабочий день принудительно завершался в три часа. Рубин скучал, подперев руку кулаком и глазел куда-то в сторону. Я остановился у него за спиной и тоже посмотрел, что привлекло его внимание. К площади приближалось три крытых грузовика. Не сказал бы, что это было что-то странное. Здесь то и дело привозили всяких переселенцев, новых солдат и прочий народ из самых разных мест.

Грузовики остановились, фрицы выскочили из кабин.

О, надо же, они помогают кому-то выбираться из кузова! Обычно они в лучшем случае словами подгоняли, в худшем – помогали прикладами. Чего это они такие добрые?

И тут я увидел Нюру. Она спустилась из грузовика самой первой, придерживая живот. Бледная, глаза испуганные, но осанка гордая. От помощи фрицев отказалась. Фух... После падения Рашера освободили-таки ее. Значит, все было совсем не зря. От таких мыслей настроение поднялось и захотелось напеть песню про день победы, который порохом пропах. Но, чую, не поймут меня здесь с такой самодеятельностью, да и до Победы, как до Чукотки на велике. Постараюсь ускорить это событие по мере возможности. Перенести этот радостный день с мая на пораньше. Чем черт не шутит? Авось выгорит? После того, как разберусь с янтарной комнатой, надо будет об этом крепко поразмышлять...

— Это они что ли беременные все? — удивленно пробормотал Рубин, прервав мои размышления, а потом оглянулся на меня. — О, дядя Саша! А я тебя не заметил. Смотри, откуда это фрицы столько беременных баб взяли? На развод что ли привезли?

— Их из концлагеря только что отпустили, дурья твоя башка! — я потрепал его по затылку. — Ты лучше за щетки берись, а то вон те патрульные уже начали на нас смотреть косо.

— Кузьма Михалыч приехал, — пробубнил себе под нос цыган, принявшись начищать мои сапоги. — Сегодня утром. За провиантом, говорит.

— О, это отличная okazия! — обрадовался я. — Видишь вон ту девку с косой с мою руку толщиной?

— Наособицу стоит которая? — спросил Рубин, незаметно

бросив взгляд в сторону Нюры.

– Ага, она, – прошептал я. – Подойти, побалакай с ней. И попроси Михалыча ее домой доставить. Она из Заовражино.

– Понял, – кивнул Рубин. – Сделаю в лучшем виде.

Цыган сверкнул зубами в улыбке, ловко спрятал в кармане купюры, которые я ему незаметно передал, и развязной походкой направился в сторону Нюры. Что он ей там говорил, я не слышал. Но сначала ее лицо было замкнутым и даже сердитым, а через пять минут суровость сменилась улыбкой. Ну да, от обаяния грека Евдоксия еще никто не увораживался. Бьет без промаха.

В забегаловке я отужинал борщом и зажаристой до бронзовой корочки котлетой. Супец ничего так, с ядреным чесночком и салом. Из посетителей, местным только я оказался. Не по карману горожанам такие заведения. А у меня после «мелких грабежей», которые в последнее время непременно сопровождали нашим похождениям, деньжата стали водиться. И Рубину неплохо перепало. Он на своей площади почти ничего не зарабатывал. Поведились чертовы фашики бесплатно у него обслуживаться. За «дружеское» похлопывание по плечу. Но «лавочку» свою Рубин не свернул. Я велел ему сидеть на площади, пусть даже за бесплатно, но глядеть в оба. Он был моими глазами и ушами среди горожан, эстонских карателей и прочих русскоговорящих полицаев. Все, о чем судачит город, я узнавал от него. Бывало и нужные слухи через него частенько распускал. Легенду о Вервольфе

тоже подпитывать рассказами надо. Чем больше необъяснимого в жизни врага, тем легче мне маскировать диверсии под неуловимого оборотня.

Я размешал сметану в супе и приступил к трапезе. Борщ пользовался у немцев в Пскове определенной популярностью. Распробовали гады. Поначалу морды кривили и недоумевали, на фига варить салат, а теперь за уши не оттащишь. Крысиного яда в кастрюльку бы сыпануть, но нельзя – поварили из местных.

После сытного обеда-ужина отправился к месту встречи с Наташей. Глянул на часы. Блин... Уже пора бы ей появиться. По спине пробежал неприятный холодок, где же она? Возле меня толклась какая-то скрюченная бабка, рванный платок пол лица закрывает. Телогрейка в дырах.

Старуха подошла ко мне и проскрипела:

– Подай копеечку, сынок, на хлебушек.

Голос искаженный, но я узнал его.

– Твою дивизию! – выдохнул я. – Наташа, ну ты даешь! Сроду бы не признал, – я демонстративно и, чуть скривясь, отсыпал на чумазую ладонь медяков и шёпотом добавил. – Я так понимаю, нам прогулка особая предстоит, раз маскарад в ход пошел.

Наташа кивнула и тихо проговорила:

– Мне со связным надо встретиться. Прикроешь?

– А то!

– Наш Петька сгинул, новый связной теперь. Ни разу с

ним не работала. Непроверенный еще. Подвоха боюсь.

– Так откуда вы таких непроверенных берете? – вскинул я на нее бровь. – Нельзя так рисковать.

– А других нет, кого-то раскрыли, пришлось из города вывозить, кого-то схватили и нет их уже.

– Ладно, пошли... Я тут еще постою, а потом хвостиком за тобой увяжусь. Дистанцию буду держать.

Сунув руки в карманы и состряпав праздно-прогулочный вид, я шлепал за скрюченной фигурой на расстоянии примерно двадцати шагов. Эх... А так хотелось рядом с ней пройтись. Просто поболтать. Соскучился, блин, по снайперше. Вот же угораздило меня в такое время беспокойное к девчонке прикипеть. Мешает это делу... Да и хрен с ним.

Так мы брели около получаса, пока не вышли к окраинам города. Людей стало меньше, а воронья больше. Старинные домики сменились на бараки и развалины. Из живого только собачий лай на редких подворьях слышен. Гиблое местечко.

Теперь можно был не скрываться и не идти порознь. Я догнал Наташу. Та выпрямилась, отбросив старость, и протянула мне «Вальтер П-38». Неказистый пистолет я узнал по характерному облику, хотя модели на нем не было написано. Вместо этого код завода «АС 41». Сорок один – это год выпуска получается. Трусоватые фашисты перестали бить на затворе название производителя, заменив его на код, опасаясь бомбежки заводов. Но каждый дурак и так знал, что эта машинка «Вальтером» называется.

Я сунул пистолет в карман широких штанов:

– У тебя-то есть что?

Наташа кивнула и показала рукоятку «Парабеллума».

– Пришли, – нахмурилась она, остановившись возле развалин часовни. – Дальше я одна. Меня одну ждут. Нельзя вдвоем.

– Хорошо, – кивнул я, щёлкнул флажком предохранителя и передернул затвор. – Я пока осмотрюсь.

Наташа скрылась в развалинах, а я решил не бродить попусту, а найти место, где можно будет проконтролировать встречу партизанки со связным. Вообще, надо было заранее сюда прийти и залечь внутри, но сейчас об этом поздно рассуждать.

Старясь не шуршать обломками бетона и камнями, я потихоньку обошел строение без крыши. Так-с... Пустые глазницы окна высоко над землей. До них не добраться. Да и видно меня будет на фоне солнечного неба. Вход здесь не один, можно попробовать зайти с другой стороны.

Только я собирался это сделать, как услышал приглушенные голоса, доносившиеся из оконного проема в виде арки. Приподнялся на цыпочки, чуть подтянулся. Ни хрена не видно и не слышно. Запнулся о торчащий корень заскорузлого дерева. Отличная находка. Пожелтевшая крона еще не сбросила листву и жалась аккурат к соседнему окошку. Думаю, там нормально тоже будет и слышно, и видно. Я вскарабкался на дерево, сбил паука и несколько слишком желтых ли-

сточков, а так получилось без шума забраться. Втиснулся в развилку ствола и вытянул шею, вглядываясь в полумрак помещения через оконный проем.

Видно две фигуры. Наташина и какого-то хмыря. Лысый в штормовке с вещмешком за плечами и в сапогах. Как он в таком походном виде сюда приперся и не спалился? Неприятные догадки пробежали мурашками. А это, что там у него на руке синее? Татуировка? В это время татухи носили лишь сидельцы. Рокеры, хиппи и прочие байкеры еще не народились. Уголовник, бля! Ненадежный контингент. Враг таких частенько перевербовывал. Многие зэки обижены на Советы. И не только политические.

Разговора не слышно. Наташа хотела что-то достать из-за широкой мешковины, которое называлось платьем, как вдруг лысый кинулся на нее и заломил руку. Наташа вскрикнула, а я схватился за пистолет. Спешно прицелился, но ублюдок уволок девушку куда-то в темноту.

Ах ты, сука! Я спрыгнул с дерева и помчался ко входу в развалины, когда за спиной услышал торопливые шаги.

Глава 3

Я оглянулся и сразу присел. Заросли шиповника меня скрывали. К часовне из соседнего полуразрушенного барака торопливо спешили двое. Судя по всему, они не видели как я спрыгнул с дерева. Крона густая, да и поросоль кустов стояла под ним непролазной стеной.

Мать твою за ляжку! Это еще кто такие? Я высунулся из укрытия, разглядывая незваных гостей. Одежда неприметного советского пошиба. Мешковатые пиджаки и безразмерные мятые брюки. На глаза надвинуты кепки. Похожи на партизан или подпольщиков. Хрен их разберет. А если это засада? Рука моя сжала рукоятку «Вальтера» за поясом. Вязанный рыбацкий свитер надежно скрывал его пока. Взять их в оборот? Если свои, то разберемся, а если нет, то без шума не обойдешься, и тогда Наташа может пострадать. Всяко они не вдвоем пришли, внутри еще кто-то должен быть, а эти, скорее всего, группа блокирования путей отхода. Может, все-таки свои прикрывали Наташу? Но она ничего про них не говорила. Щас проверим.

Пошатываясь я поднялся и привалившись к дереву стал бессовестным образом журчать на его ствол. При этом на-свистывал кузнечика.

Те двое, завидев меня, остановились. В руках у них неизвестно откуда появились ТТ-шники. Вполне себе советские

пистолеты. Но их ботинки... Слишком они новые. Не ходят в таких обутках подпольщики и тем более партизаны. Кончать их надо, но по-тихому. Тот, кто схватил Наташу, не должен слышать выстрелов.

– Стоять! – крикнул мне один из них на чистом русском. Коренастый с рябым лицом, будто после оспы.

Бля, опять нестыковочка. Похоже это свои. Но нет, в это время они уже приблизились, и я смог разглядеть их получше. Морды изрезаны следами порока. Пальцы в синюшных перстнях, которые наколоты явно уже давно.

– Да вы что, мужики? – заплетающимся языком пробормотал я, скосив по алкашному глаза. – Я это... И-ик... Домой иду, вот, приспичило.

– Пошел нах отсюда, – махнул стволом рябой.

В его глубоко посаженных глазах светилась злость. Видно было, что ему очень не терпелось меня пристрелить, но он тоже не хотел поднимать лишнего шума, так как не знал, как обстоят дела у его напарника внутри развалин. Взял он партизанку или нет. А то, что они были заодно, теперь я уже несколько не сомневался.

– Все, все, и-ик... Ухожу! Не застёгивая ширинку, я поднял руки и бочком стал пробираться через кусты. – Только не стреляйте, я же кочегар. Без меня город к зиме не запустится. Вот...

– Пшел! – рябой зарядил мне ботинком в живот, а сам уже поглядывал на окна часовни.

Не терпелось ему скорее внутрь, и разговор с алкашом его явно напрягал.

Я, покачнувшись будто от хмеля, чуть отстранился назад. Будто случайно, но при этом смягчил удар в живот. Нога не впечаталась в солнышко со всего маху, а пинок смазался, но остальное я доработал театральностью. Согнулся пополам и закашлялся будто мне все печёнки поотбивали.

– Валить его, Сава, надо, – тихо пробормотал второй, думая, что я не слышу, так как хриплю и сыплю просьбы меня пощадить. – По-тихому...

Из положения буквы «зю» я все же краем глазам наблюдал за противниками. Коренастый вытащил из кармана финку и снова шагнул ко мне. Но я уже успел незаметно достать стилет из-за голенища. У часовщика себе справил отличное колющее оружие. Тонкое, как спица, но крепкое. В сапоге удобно прятать, запарился с перочинкой ходить, добрые ножи за голенище не лезут.

Хлюп! – стилет вошел в брюхо рябого по самую рукоять.

Ударил в печень, чтобы не дрыгался. Второй, не ожидая такого подвоха, вскинул пистолет, но нажать на спуск не успел. Стилет пробил его кадык. Целился я чуть ниже, но и так сойдет. Тут же второй удар в висок.

«Шило» легко пробило кость. Противник упал замертво, а рябой, выронив пистолет, стонал, скрюченный на земле. Я подскочил к нему и спешно отточенным движением свернул ему шею. Чтоб заткнулся и не выл. Плюнул на грудь преда-

теля, закинул их пистолеты в кусты и поспешил внутрь развалин.

Теперь надо спасти Наташу. Этот подставной связной скорее всего там тоже не один. Нырнул в проем и очутился в полумраке отсыревшего здания. Воняло плесенью и портянками. Чуть подождал, когда глаза привыкнут к темноте. Прислушался.

Где-то в закоулках бубнят приглушенные голоса. Я крадучись, словно тень, стал пробираться на звук, обходя «валуны» и завалы из обломков кирпичей. Только бы не шуметь! Даже дыхание задержал, казалось, оно слишком шумное.

Углубился внутрь часовни. Голоса стали четче. Кто-то переговаривался в соседнем закутке. Нашел дыру в стене и осторожно заглянул. На бетонных обломках сидят двое и уже кипятят на примусе чайник.

– Ну где эти остолопы? – пробасил тот, что разговаривал с Наташей, я узнал его по штормовке.

Неприятный холодок тронул затылок – я не увидел среди них девушки. Неужели убили, твари?!

– Должны быть уже скоро здесь, – ответил второй с бородой, как у деда Мазая. – Не кипишуй, Сава, мы и вдвоем справились. Слушай... А может, пока ждем, девку того? Оприходуем? Чего такому добру зазря пропадать? Один хрен, немчура с нее шкуру спустит. А она ничего такая, сочная.

Ф-ух... Жива Натаха! Жива... Судя по всему, эти ублюд-

ки собрались ее сдать фрицам.

– Нет, – отрезал Сава. – Целую доставим. Она наш билет в хорошую жизнь. Иначе с нас тоже шкуру спустят.

– А ты уверен, что после того, как сдадим бабу, нас самих в расход не пустят? Может, ну их, этих фрицев? Сами ее пришьем и будем жить как жили?

– Устал я прятаться, как крыса, Гудя, понимаешь... Доставим ее полициям, глядишь, и нас на службу возьмут. Жалование, форма.

– И как ты себе это представляешь? Заявимся, здрасти, мы поймали шпионку?

– Есть у меня человечек знакомый у них. Земеля. Полицаем служит. Он все организует. Я уже перетер с ним. Осталось только этих двоих баранов дожидаться.

– Зря ты их определил снаружи караулить. Говорил, надо было здесь всем хорониться.

– А если бы девка не одна пришла, а с крышей? Вот они и на стреме были. Только, куда, бл*ть, запропастились, ума не приложу.

Ага... Из разговора ясно, что предателей всего четверо. Это хорошо. Можно больше не прятаться.

Я вышел в проем с пистолетом наготове и очутился на «пороге» небольшой комнатки, оборудованной под временное укрытие. Топчан с тряпьем, стол из ящиков и два хмыря сидят и рты раскрыли. Дернулись было за стволы, но мой выстрел над их головами мигом охладил их пыл.

– Вечер в хату, – в моем голосе звучала сталь. – Руки в гору! Где девушка?

– Кто такой? – пробурчал Гудя, но руки они подняли.

– Привет вам от Вервольфа пришел передать.

Бах! Моя пуля сразила Гудю прямо в сердце. Звук выстрела утонул в развалинах. Мне и одного языка хватит. Я перевел ствол на второго:

– Повторяю вопрос, где девушка?

– Не стреляй, начальник, – залепетал тот, протягивая ко мне руки. – Здесь она, за стенкой связанная лежит.

– Кто вас послал?

– Никто, начальник... Бес попутал. Не стреляй, я все исправлю, я...

Бах! Моя пуля проделал аккуратную дырочку во лбу предателя, он так и свалился замертво с протянутыми руками, а я бросился в соседнее помещение.

На ворохе тряпья сидела связанная Наташа. Во рту кляп, а в глазах тихий гнев. Увидев меня, она радостно замотала головой, пытаюсь встать. Я спешно развязал ее:

– Цела? Что они тебе сделали? Как ты?

Наташа повисла у меня на шее и горячо прижалась к груди:

– Я в порядке Саш, спасибо, если бы не ты...

– Похоже, что ваш связной скурвился.

– Я уже это поняла, – шмыгнула девушка носом. – Он был не один.

– Знаю, сейчас они все вчетвером стоят в очереди в ад. Надо прибрать будет здесь маленько и оружие пособирать. И с трупами, что-то решить.

Я взял трофейную керосиновую лампу и зажег:
Давай посмотримся.

Мы вышли из закутка и очутились в соседнем помещении.

– Стой, осторожнее! – я подскочил к Наташе и с силой дернул ее за руку. Как раз в тот момент, когда доски под ее ногами треснули и в ворохом трухи рухнули куда-то вниз, в темноту, Наташа взмахнула рукой, в которой держала керосинку, лампа вырвалась из ее пальцев и упала вниз.

– Еще одна ловушка, – горько сказала Наташа, глядя на осветившуюся языками пламени квадратную дыру в полу. – Саша, ну вот зачем они так? Я не понимаю, как вообще так может быть... Просто в голове не укладывается...

– Ну какая ловушка, просто вход в подпол прогнил, – сказал я, осторожно приближаясь к краю ямы.

– Я не про это, – Наташа шмыгнула носом, будто хотела всхлипнуть. – Я про предателей... Почему их так много, Саша? Неужели они не понимают, что... Даже не знаю, как сказать. У меня просто ум за разум заходит, когда я пытаюсь это понять. Как человек вообще может сдавать своих фрицам? Они же настоящие звери, неужели непонятно, что они никогда тебя не примут, никогда! Неужели только из-за денег? Он предал, потому что ему просто дали денег? Но на что они, когда на родине земля под ногами горит? Что он здесь будет

делать с этими деньгами?

Говорила Наташа с надрывом, в голосе звучала боль и слезы, но глаза были сухими. И полыхала в них скорее ярость, чем обида.

– Некоторые люди просто дураки, Наташка, – сказал я, заглядывая вниз. Керосин расплескался по обломкам досок, и теперь внизу горел маленький костерчик, неплохо освещающий этот подвал. – Опа, это что еще за хреновина?

– Понимаешь, Саша... – продолжила задумчивую речь Наташа, потом тоже обалдело замолчала. – Ой, мамочки...

– Видишь, не ловушка это была, – сказал я. – Просто подгнил пол. А подвал явно часть тех подземных ходов, точно такая же кладка...

– Да нет же, я совсем про другое! – воскликнула Наташа, потом быстро оглянулась и понизила голос. – Ну вот же! Я никогда не видела ничего такого...

Над открывшимся перед нами подвалом будто бы поработал декоратор из фильма ужасов про оборотней. В самом центре просторного квадратного помещения были сложены кучкой округлые валуны, а из центра этой «пирамиды» торчал деревянный шест. Черный. Или обожжен, или черной краской покрыт. На вершине шеста – волчий череп. С перекладины, прибитой почти в самом верху, наподобие буквы «Т», свисают связанные шпагатом кости. Человеческие или звериные – шут их разберет с такого ракурса.

На каждой стене размашисто нарисован вольфсангель.

Черной краской. Пол исчерчен рунами. Хотя нет, не исчерчен... Похоже, кто-то выкладывал руны из сухой травы, поливал дегтем, а потом поджигал.

Бл*яха... Вервольфа что ли вызывал этот странный загадочный кто-то?

Я тряхнул головой. Мне даже захотелось себя ущипнуть, чтобы проверить, не снится ли мне вся эта фантасмагория в подвале.

– Саша, похоже это логово Красного Вервольфа... – прошептала Наташа и прижала руки к лицу. – Давай спустимся вниз!

– Красного Вервольфа? – переспросил я удивленно. Ах да, Наташа же не в курсе, что это я. Она не видела моих дел, а я не рассказывал.

– Ну да! – Наташа посмотрела на меня, глаза ее заблестели. – Неужели ты не слышал? Про это же просто все-все-все говорят. Что в городе живет кто-то, кто превращается по ночам в волка и подстерегает фрицев!

– Смотри, кажется вон там была раньше лестница, – сказал я, ткнув в сторону боковой стены. В кирпичной кладке остались выемки, по которым несложно было спуститься. Можно было и прыгнуть, не так уж тут и высоко...

Нет, на фиг показушную акробатику. Нет ничего тупее, чем со всего маху напороться на ржавый гвоздь ногой и сдохнуть через неделю от сепсиса.

Я осторожно спустился вниз по кирпичным псевдосту-

пеньками, Наташа ловко последовала за мной.

– Ну точно же! – Наташа огляделась. – А я думала брешут! Смотри, в каждом углу комнаты – по волчьему черепу. И еще... Ой, а это что?

На пласте оставшейся штукатурки были углем или чем-то похожим нарисованы косые квадраты. В первом – три ромбика в диагонали и две полосы... Два ромбика...

Несколько секунд я тупил, разглядывая эти «художества», а потом меня осенило. Даже стыдно стало, что я не сию секунду понял. Это петлицы. Три ромбика две полосы – гауптштурмфюрер, два ромбика – обершарфюрер. А последовательность...

Бл*ха, серьезно?

Кажется тот человек, который тут все устроил, изобразил таким образом всех моих жертв. Я напряг мозги, чтобы вспомнить, сколько и кого я распанковывал под жертвы вервольфа. И понял, что уже не могу вот прямо сходу четко сказать, сколько и кого убивал мой «вервольф». Нет, вспомнить можно, но это надо сесть в спокойной обстановке, взять бумагу и ручку и начать писать. Будто отчет пишу. И память сразу мне всю последовательность и выдаст. Сколько раз так уже было! Возвращался с миссии, в голове звонкая пустота, одна мысль за другой по полчаса гоняется. А сажусь писать, и – опа! – все имена, данные, подробности тут же сыплются из авторучки на бумагу.

Стоп, а где Алоиз? Должен быть вот тут штандартенфю-

пер... Хотя, нет! Там же другой сценарий получился, так что все вполне логично.

– Ой, смотри! – Наташа подошла к узкой деревянной полке. Похоже, раньше тут был стеллаж или что-то вроде, но сейчас от всей конструкции осталась только одна доска вдоль стены. И вся она была усыпана плоскими камушкам-гальками. На каждом из которых была нацарапана одна из скандинавских рун.

Да уж, случайностью тут явно не пахнет...

Похоже, у Вервольфа появился не то подражатель, не то фанат. Охренеть...

И я даже не знаю пока, хорошо это или плохо. Что первое, что второе – это люди с явно покосившейся крышей, кукушечка которых давно умчала в теплые края. С другой стороны, само наличие такого психа может пустить следствие СД-шников по ложному следу, что, опять же, неплохо...

– Саша, а может нам тоже... Это... – Наташа крутила в руках камешек с руной. Как будто неправильно написанная буква «И». Это была «Хагалаз», символ краха и разрушения. – Может, перетащим трупы сюда, и тогда все подумают, что их убил вервольф?

– А как же хозяин этого места? – я подошел к ней, взял из ее пальцев камешек с руной и вернул его обратно на полку. – Ему может не понравиться, что кто-то свалил в его капище какие-то левые трупы.

– Так он же, получается, наш союзник, – сказала Наташа. –

Он тоже фрицев убивает.

– Не всякий враг нашего врага наш союзник! – глубоко-мысленно изрек я. – Так что давай-ка мы оставим здесь все, как есть.

В общем-то, у меня не было в мыслях, сделать вид, что никого в этом логове не было. Потолок-то провалился. А выход... Выход вот он. Кирпичная ширма того же цвета, что и стена за ней. Видели уже такую конструкцию, явно это подземелье – часть общей системы. А по другую сторону – добротная такая дубовая дверь. Без всяких следов замочных скважин. Закрыта с другой стороны. Или на навесной замок, или на засов. То есть, только выламывать, никакие отмычки тут не помогут. Но явно именно этим путем приходил сюда загадочный подражатель.

Что ж...

– Но ведь когда их найдут... – начала Наташа.

– Не найдут, но придется потрудиться.

Мы еще раз обшарили часовню и нашли подходящую яму, которая оказалась воронкой от бомбы. Стащили туда все тела и забросали их обломками. Старательно так забросали, с горкой, чтобы ни одна собака не раскопала, и запаха трупного не было потом. Пришлось потратить на это добрых два часа и львиную долю своих сил.

Как раз, когда закончили оформление «места преступления», стемнело. Трофейное оружие спрятали там же в часовне. В одной из стен нашли подходящую нишу и привалили

схрон обломком плиты. Теперь ниши совсем не видно. Порядок. Пусть у меня в городе будет несколько схронов с оружием. А то каждый раз за пистолетом приходится домой на чердак бегать...

* * *

Вырвать свой организм из сладкого сна утром оказалось задачей непростой. Мысленными пинками и подзатыльниками я вытащил себя из-под куцега одеяла. Мышцы ломило, в глазах песок.

Бл*ха...

Размялся, умылся, даже разделся, вышел во двор голый по пояс и облился холодной водой. Ф-ух.

Вроде полегчало. А в зеркале так я вообще отражался во все не как мужик в сорокет с накопленной усталостью и режимом сна поломанным. А как... Да черт его знает! Молодею что ли от всех этих приключений?

Я оделся и поплелся в комендатуру. К шести утра, как и было приказано. В саквояжике с собой – смена белья, зубной порошок и щетка, полотенце. Командировка как-никак, хрен знает, сколько там задержаться придется.

Голоса я слышал еще до того, как открыл дверь. Орал кто-то так, что стекла дребезжали. Прямо-таки скандал до небес, с прологом и эпилогом. Герр граф изволит с кем-то ругаться с утра пораньше, перекрикивая надрывающегося из

патефона тенора.

Глава 4

– ...если до вас никак не доходит важность моей миссии здесь! – возмущался граф. – Почему вы считаете, что можете сорвать мои планы, а я должен просто молча это все сносить? Ваше положение вообще не дает вам права распоряжаться моим временем!

– Пожалуйста, герр граф, успокойтесь, – бубнил голос собеседника. Вежливо, стараясь скрыть раздражение. – Ваша поездка отложена именно потому, что мы понимаем ее важность. Это донесение...

– Вы сами сказали, что источник ненадежен, – прорычал граф. – То есть, говоря другими словами, кто-то просто подбросил вам на стол анонимную записку, и весь абвер из-за нее теперь стоит на ушах. Ах, как легко, оказывается, вывести вас из строя!

– Мы не можем зря рисковать, – твердо сказал некто. – Речь идет всего об одном дне.

– И сообщаете вы мне об этом только сейчас, – граф фыркнул. – И считаете, что я должен быть вам благодарен.

– Герр граф, мы заботимся прежде всего о том, чтобы ваша миссия... – монотонно забубнил голос. Кажется, что он уже сказал эту фразу не один раз до того, как я пришел.

– Я сам отлично могу о себе позаботиться! – рявкнул граф. – И мне непременно надо попасть в Царское Село се-

годня! Ясно вам? Се-го-дня! И ни днем позже!

– Я не могу обещать, что поезд отправится раньше, чем завтра утром, – собеседник графа вздохнул. – Но если вам непременно надо, мы можем предоставить вам машину и водителя.

– Весь день трястись в лоханке? – зло сказал граф. – И вы полагаете, что это безопаснее, чем на поезде?

– Если рельсы подорвут и пустят поезд под откос... – медленно и терпеливо заговорил некто. Это кто-то из абвера, но не Шалтай. Шалтая бы я узнал. Похоже, разведчики отправили к графу с хреновой новостью кого-то, кому больше всех не повезло. Спички тянули они что ли? Все здесь знают, что граф довольно легко выходит из себя, так что приносить ему плохие новости было делом довольно опасным. Мог и запустить каким-нибудь тяжелым предметом в голову вестника.

– ЕСЛИ подорвут, – веско и с нажимом сказал граф. – Может быть подорвут, а может и нет.

– И вы готовы рисковать своей жизнью? – собеседник графа вздохнул.

Тут дверь, рядом с которой я остановился, скрипнула. В образовавшейся щели появилось лицо Доминики. Она прижимала палец одной руки к губам, а другой – манила меня к себе за дверь. Я оглянулся на постового на входе. В коридор он не смотрел, вообще стоял спиной. Я тихонько прошмыгнул в комнату, где пряталась Доминика. В узенькой каморке стояли всякие швабры, щетки и ведра. А сама Доминика

была одета в серый замызганный халат уборщицы, волосы повязаны бесформенным платком.

– Доминика, что за вид? – я ухмыльнулся, но пани Радзивилл сверкнула на меня глазами так, что шутить расхотелось. Похоже, этот маскарад – вовсе не часть эротических игр.

– Заткнись и слушай меня, – быстрым шепотом проговорила Доминика. – В Царском селе к тебе подойдет человек и скажет: «Простите, вы не знаете, как на греческом языке сказать «спасибо»? Ты ему ответишь: «Эфхаристо». Этого человека тебе нужно будет ввести в круг, близкий к графу...

– Граф не спрашивает меня, кого к себе приближать, – я пожал плечами.

– Так прояви фантазию! – глаза Доминики снова сверкнули. – Или ты думаешь заполучить большой куш, ничего не делая?

– Ты не слышишь разве? – я кивнул головой в направлении кабинета графа. – Наше путешествие откладывается из-за диверсии.

– Максимум до завтра, – Доминика поморщилась. – Мне нужно было с тобой поговорить до отъезда, а ты все время куда-то пропадал. Вот я и подбросила донесение.

– Понятно, – кивнул я. – Так что с тем человеком? Что он умеет делать? Не смотри на меня так, я не могу просто так сказать графу: «Послушай, шеф, смотри, это мой кореш, давай он будет жить с нами!» Твой человек умеет печатать на машинке? Вышивать крестиком? Или еще что?

– Он хорошо водит машину, – сказала Доминика.

– Ну хоть что-то, – хмыкнул я. – Дурацкий пароль-отзыв, между прочим. А если твой человек ткнется в случайного прохожего, который знает греческий? "Эфхаристо" ведь и в самом деле на греческом «спасибо»...

– Алекс... – она приблизилась ко мне вплотную и ухватила обеими руками за ворот рубашки. – У меня создалось ощущение, что ты не понимаешь, насколько все серьезно. Что для тебя это вроде игры какой-то. Хочу участвовать, хочу нет. Милый, все совсем не так. Ты или сделаешь все, как надо, или умрешь.

Я молча смотрел в ее янтарные глаза. Она не истерила и не угрожала. Просто вроде как констатировала факт.

– Ничего подобного я не думал, честно, – с максимальной серьезностью ответил я. – Все я понял, сделаю в лучшем виде.

– Хорошо, – Доминика сжала губы и одернула свой убогий наряд. Еще раз окинула меня внимательным взглядом. Поправила очки на моем лице, на губах ее на мгновение мелькнула тень улыбки. – Я очень переживаю за успех нашего дела. И верю в тебя. Если ты все сделаешь как надо, мы с тобой будем очень богатыми людьми.

Пальцы Доминики скользнули по моей шее. На секунду она прижалась ко мне всем телом, и отпрянула. Схватила ведро и швабру и распахнула дверь. Вышла в коридор, посмотрела в обе стороны, кивнула мне едва заметно. И поко-

выляла походкой старухи в противоположную сторону от кабинета графа.

Н-да уж, та еще штука эта Доминика. «Мы с тобой будем богатыми». Ну да, конечно, так я и поверил, что она приняла меня в свою игру на равных, а не как разменную пешку. Ну хорошо, может даже разменного коня, но все равно я ни на грош не поверил ее «мы с тобой». Моя драгоценная пани Радзивилл может заботиться о благополучии только одного человека – себя. Однако ничего не мешает мне делать вид, что я этого не понимаю, корчить из себя влюбленного в прекрасную полячку парня и изображать страстное желание поживиться богатствами янтарной комнаты. Цели у нас общие, но мотивы разные.

Я вышел из подсобки и прислушался. Скандал в кабинете графа явно сбавил обороты. Голоса все еще звучали громко, но стены от них уже не дрожали.

– ...и это вы считаете отличным планом? – саркастично спросил граф.

– Лучшим в нынешних обстоятельствах, – твердо ответил его собеседник. – Наш водитель доставит только вас одного в Царское село в обход основных трактов. Поверьте, конвой только привлечет к вам ненужное внимание.

«Что-то странное крутит этот хрен», – подумал я и решил, что самое время вмешаться в разговор. Я торопливо и без стука открыл дверь и выпалил:

– Герр граф, я прошу прощения за опоздание! Уже половина седьмого утра, я бежал со всех ног, думал, что поезд уже ушел...

– Половина седьмого? – переспросил граф. – Что вы такое говорите, герр Алекс, сейчас без пяти шесть!

– Ф-ух! – я с облегчением выдохнул. – Значит мои часы спешат. А я уж думал, что проспал. Ой... Я не вовремя, да? У вас совещание?

– Нет-нет, герр Алекс, мы уже закончили, – губы графа презрительно скривились.

– Так мы договорились, герр граф? – спросил его собеседник. А я, наконец, на него посмотрел. Он был в гражданском сером костюме. Лицо совершенно «никакое». Не запоминающееся. Без единой сочной черты. Этакий макет усредненного человека. Но держался уверенно, выправка военная.

– Я поеду не один, – отрезал граф. – Герр Алекс едет со мной.

– Но, герр граф, я же вам, кажется, уже объяснил... – в голосе незнакомца зазвучали нотки раздражения.

– И я внимательно вас выслушал, – резко оборвал его граф. – Герр Алекс – мой переводчик. Без него мне нет решительно никакой необходимости ехать в Царское село вашими тайными тропами. Так что или мы едем вместе с ним на вашей машине. Или завтра на поезде...

– Вы же понимаете, что завтра поезда тоже может не быть? – тихо спросил неприметный тип.

– Что-то я перестал понимать, что тут происходит! – граф снова повысил голос. – То вы утверждаете, что разберетесь с проблемой за сутки, а сейчас выясняется...

– Хорошо-хорошо! – быстро сдал назад некто. Наверное, этот мужик и правда из Абвера. Там хватало таких, которые носят гражданское. – Вы поедете вдвоем.

На породистом лице графа появилось самодовольно-удовлетворенное выражение. Он шагнул к патефону на своем столе и перенес иглу в начало пластинки. Показывая тем самым, что разговор окончен. Незнакомец бросил на меня недобрый взгляд и направился к выходу. В дверях он остановился, оглянулся и сказал:

– Я пришлю за вами машину в течение четверти часа.

Граф сел на свой стул, прикрыл глаза и махнул рукой. Мол, все понятно, подите прочь.

Я присел на краешек стула. Напрягся. Кажется, графа только что втянули в какую-то мутную историю. Мое чувство «пятой точки» прямо-таки семафорило мне о подставе. Которую граф почему-то не почувствовал. Действительно. «Герр граф, меняйте ваши планы и поезжайте один с неизвестным водилой тайными тропами. Отличный план же! Надежный, как швейцарские часы... Так и подмывало открыть рот и пристать к графу с вопросами. Но тот слушал музыку, прикрыв глаза, и лезть к нему сейчас означало бы смертельно оскорбить. А если начну высказывать сомнения в безопасности идеи, то граф только из чувства противоречия выкинет

меня из машины и помчится один. Навстречу приключениям, бл*ха.

Значит надо ехать с ним и действовать по обстоятельствам. Не могу я пока допустить, чтобы с тобой что-то случилось, герр фон Сольмс-Лаубах! Сначала под твоим чутким руководством мы должны упаковать янтарную комнату, а уж потом...

Что будет потом, я еще сам точно не знал. Сам по себе граф, в отличие от того же Рашера, опасности для общества не представлял. Не отдавал приказов о массовых убийствах, не проводил эксперименты над людьми, его смерть не приблизит завершение войны. Но сейчас он был мне нужен! Значит я не допущу, чтобы по дороге в Царское Село с ним что-то случилось.

Машина за нами подъехала через десять минут. Водитель в форме ефрейтора приземистый, но квадратный и с бульдожьей мордой. Даже брыли висят.

– Прошу вас, граф, – учтиво проговорил он, распахивая дверь лоханки.

Честно говоря, когда он раскрыл рот, я подумал, что сейчас гавкнет. Надо же, на чистом немецком изъясняется, не похож он на арийца. Гнома-рудокопа больше напоминает.

Граф уселся на заднее сиденье, а мне махнул, чтобы я располагался на переднем. Я не возражал, мы тронулись. Чинно проехали все посты.

«Бульдог» с важным видом, не выходя из машины, по-

казывал пропуск постовым. После чего, те нам козыряли и желали хорошей дороги. Краем глаза я пытался разглядеть пропуск, его реквизиты. Кто его подписал, и кто вообще направил нас таким составом в опасное путешествие. Часть леса контролирует отряд Слободского. Меня, конечно, они не тронут, после того как расстреляют машину и, если я выживу. А вот остальные мои спутники сильно рискуют.

Неужели граф неожиданно превратился в недалекого болвана? Он всегда просчитывал все на сто шагов вперед и умело манипулировал руководителями смежных ведомств в своих интересах. А тут вдруг согласился на авантюру. Будем надеяться, что Слободский нас не заметит и Наташа сегодня не на вылазке. Ее снайперка бьет без промаха. Я чуть отодвинулся от водителя. Первая пуля снайпера обычно ему предназначается, когда засада. Я поежился и огляделся.

Дорога углубилась в лес, набежали тучки, с неба посыпалась мелкая сентябрьская морось, сквозняк неприятно задувал за ворот. Хорошо хоть лоханка с крытым верхом.

Проехали с час. Машина вдруг свернула в ухабистое ответвление дороги. Разлапистые елки стиснули грунтовку и скребли по железным бокам автомобиля.

– Мы точно туда едем? – спросил я у водителя. – Тут не особо наезжено.

– Не беспокойтесь, – лыбился тот. – Это короткий путь. Я отлично знаю дорогу.

Я оглянулся – граф задумчиво созерцал осенний лес. В

его глазах умиротворенность. Наверное, представляет себе, как увидит воочию шедевр мировой культуры – Янтарную комнату. Уже строит планы по ее размещению в Берлине или где он там планировал ее выставить. Ну, ну... Бабушка надвое сказала.

Дорога совсем испортилась. Приходилось держаться, чтобы не расшибиться о железную панель.

Япона-мама! Ну, это явно дорога не в Царское село... Вот уже дремучий лес стоит сплошной стеной. Неужели граф этого не замечает?

– Похоже мы заблудились, – нарочно громко проговорил я, чтобы шеф меня услышал.

– Все по плану, господа, – заверил водитель, снова одарив меня улыбкой, а в глазах его я уловил колющий холодок. – Еще немного и лес кончится. Не беспокойтесь...

– И все же... – еще громче проговорил я. – Мне кажется, что нужно вернуться и поехать по основной дороге. Пока не поздно.

Граф наконец меня услышал, но вместо того, чтобы разделить мои опасения, неожиданно выдал:

– Успокойтесь, Алекс, водитель знает свою работу... Лучше подумайте, как будете составлять опись... Работы предстоит много, Возможно, нам понадобятся еще помощники.

Бл*ть... Его только опись волнует. А то, что нас везут к черту на рога – по барабану.

Я покосился на водителя. На поясе кобура. Другого ору-

жия нет. Двинуть ему в висок, остановить машину и забрать пистолет. Ничего сложного для Вервольфа. Только сейчас рядом с ним сидит безобидный переводчик, а не красный диверсант. Все-таки надо бы переговорить с графом с глазу на глаз. В голове созрел план.

– Я извиняюсь, но не могли бы вы остановить? – я повернулся к водителю, тот с недовольством на меня уставился. – Понимаете, мне нужно ненадолго отлучиться в кусты. Я слишком много выпил кофе в дорогу.

Водитель молчал с каменной мордой. Вот ссука. До Царского села весь день трястись. В его распорядке явно должны быть запланированы остановки, а он торопится, будто тут недалеко уже.

– Ты слышал? Останови! – похлопал по плечу «Бульдога» граф. – Я тоже немного пройдуся.

Машина недовольно фыркнула и встала прямо посреди дороги. Собственно, обочины, куда можно было свернуть, здесь и в помине не было.

Я вылез и засеменял в кустики. Зашел поглубже и обернулся. Водитель тоже вышел. Курит и на меня поглядывает. Вот, паскуда, что же ты задумал?

Граф широкими шагами мерял поляну, водил плечами, разминая спину.

Я подошел к нему, будто бы тоже побродить по прекрасной поляне, а сам прошептал:

– Герр граф, это дорога точно не в Царское село. Мне ка-

жется, нас везут совсем не туда.

Шеф похлопал меня по плечу и улыбнулся:

– Все нормально, Алекс, поверьте мне, нам не о чем беспокоиться. Это короткая и малоизвестная дорога. Здесь нет партизан, мы идем в обход возможных засад и наезженных путей.

– Кто вам такое сказал? Ему можно верить?

– Вы слишком много задаете вопросов, – уже с раздражением пробурчал немец. – Ваше дело слушать меня, а с дорогой я сам разберусь. Садитесь в машину, нужно успеть до темноты.

Вот аристократ хренов. Не видит дальше своего носа. Что ж... Я его предупреждал. Я наклонился к сапогу, будто поправляя брючину. Незаметно подтянул стилет в голенище повыше. Дома валялись удобные ботинки, но приходилось носить громоздкие сапоги, чтобы прятать оружие.

Я снова уселся в машину, и мы тронулись. Дорога совсем сошла на нет, лоханка почти ползла на брюхе. Неожиданно, машина выехала к реке, на берегу которой стояла избушка «на курьих ножках».

– Это что? – спросил граф, ткнув пальцем в бревенчатое строение, вросшее в землю, на крыше которого присохли желтые «медузы».

– Это временное жилище рыбаков, – ответил водила. – Сейчас заброшено. Дорога дальняя предстоит, надо остановиться, воды набрать из реки. Здесь удобный подход.

– Я не намерен пить из реки, – фыркнул граф. – Почему вы не позаботились об этом заранее?

– Виноват! Я всегда здесь воду набираю. По пути еще ручки есть. Как-то не подумал, что для вас особенную воду надо припасти...

«Бульдог», вроде, извинялся, но при этом говорил уже с некоторой издевкой, будто он тут главный, а не граф.

Мой шеф это, как ни странно проглотил. Какая муха его сегодня укусила? Не узнаю его...

Машина остановилась возле хибары. Окна плотно зашторены подобием мешковины. Я решил проверить, что за домик. Вылез из машины, граф из любопытства поплелся за мной.

Я взошел на скрипучее крыльцо, чуть не угодив одной ногой в дырку. Доска прогнила и поставила «капкан».

Только взялся за ржавую ручку, как дверь распахнулась, и на пороге вырос автоматчик в непонятном защитном костюме, похожим на современную горку, но попроще.

Я отшатнулся, изображая испуг, прикрывая собой графа, когда сзади послышался сиплый голос бульдога:

– Заходите в дом, господа, не стесняйтесь!

Я оглянулся, он целился нам в спины из пистолета. Твою дивизию, так я и знал!

Я первым вошел в лачугу. Автоматчик держал меня на мушке и отступил к дальней стене. Пробивающийся сквозь мешковину робкий свет вычертил статную фигуру в уголь-

но-черном кожаном плаще. Фигура встала, направив на нас пистолет и оскалив, будто вырубленное из гранита, морду. Я сразу узнал это лицо...

Глава 5

Гладкая, как яйцо голова, круглые очки, длинный как жердь. Это был Шалтай, собственной персоной. Он бросил на меня недовольный взгляд. В нем прямо-таки аршинными буквами читался вопрос: «Как тебя сюда принесло, болван?!» Но вслух он ничего не спросил.

У меня на душе отлегло – все-таки останусь жить. Сегодня, по крайней мере. Я сделал удивленный вид. Делать вид, что не знаю Шалтая как-то глупо, нас ведь граф и познакомил. С другой стороны, я чуть не взвыл. Кого угодно я почему-то ожидал увидеть на месте Шалтая. Натурально, когда я понял, что это какая-то подстава с похищением, я думал на кого угодно – на Британию, Армию Крайову, еврейских агентов или черта с рогами. Но то, что играть против графа будет Советский Союз... Ну да, дядя Саша, с чего бы, действительно? Медаль тебе за проницательность.

Чуть не взвыл.

Лучше бы это был еще один британский агент, чем... Вот так. Захотелось даже по-детски крепко зажмуриться и забормотать что-нибудь вроде «Пожалуйста-пожалуйста, пусть мне это все приснилось!»

– Присаживайтесь, герр граф, – процедил Шалтай. – Я для вас уже и стульчик подготовил. Посреди комнаты действительно стоял колченогий стул. Один. – Не знал, что гостей

будет двое, так что тебе придется стоять.

На несколько секунд повисло молчание. Граф гордо вздернул подбородок и посмотрел в сторону.

– Вам нужно какое-то особое приглашение? – Юрген поднял бровь и кивнул бульдогу. Тот подтолкнул графа к стулу, рывком усадил и вывернул руки за спину. Скрутил их веревкой. Потом подошел ко мне.

– Руки за спину, – буркнул он. Бл*ха, не люблю я эти фокусы в духе Гудини, мне все-таки уже не двадцать. Но что делать?

Завел руки за спину, позволив бульдогу себя связать. Юрген молча наблюдал за этими всеми манипуляциями. Ухмылялся самодовольно.

– Я вижу, вы не слишком удивлены, герр граф, своим пленением, – сказал он, когда бульдог, повинаясь движению его брови, вышли наружу. – Или делаете вид.

– Что происходит? – истерично проверещал мой шеф, брызнув слюной. Слишком как-то истерично... – Юрген, это что, розыгрыш? Какая-то шутка? Вы кому-то проспорили и устроили весь этот балаган?

– Вы до сих пор не поняли? – Шалтай кивнул автоматчику и тот тоже вышел. В доме остались только мы втроем. – Кончилась ваша сладкая жизнь. Теперь вами займются компетентные люди по другую линию фронта.

Блин! Шалтай захватил графа, чтобы переправить его нашим. Как же не вовремя! Именно сейчас, когда я так был

близок к своей цели... Янтарная комната снова отделилась от меня за тридевять земель. Таким поступком он выведет меня из игры.

И что теперь? В партизаны податься? Кому я нужен в Пскове? Фрицы отправят меня работать на конюшню или ко-чегарку. Даже если я продолжу диверсионную деятельность, без информации, которую я получал из конторы, без Марты и графа, руки мои будут связаны. Получается, что в партизаны. Но там Хайдаров. Когда-нибудь особист докопается, что капитана Волкова в армейской разведке не существует. А может уже докопался, просто тут меня ему не достать. На место графа пришлют другого, и Янтарная комната бесследно пропадет, как и случилось в моем времени. Как же все-таки сложно изменить судьбу... Черт!

Я по-прежнему играл роль пленника. Шалтай не возражал. Понимал, что я сам откроюсь графу, когда созрею. Покажу свою истинную личину. Но что-то не давало мне «созреть». Какая-то непонятная и неоформленная мысль не давала покоя. Будто что-то я упустил. Это ловушка на графа, но тот сам в нее охотно пошел. И согласился путешествовать лишь в сопровождении своего переводчика. А потом нас повязал Шалтай.

Неприятная мысль вдруг кольнула сердце. Нет... Только не это. До меня начал доходить реальный расклад. Это ловушка не на графа, а на...

– Юрген, на вашем месте, – прервал мои размышления

граф. – Я не был бы таким самоуверенным. Развяжите меня, пока не поздно все вернуть.

– И после этого вы забудете, что здесь произошло? – оскандился Шалтай. – Не думаю. Если будете с нами сотрудничать, то, возможно, не слишком пострадаете.

– Наглости вам не занимать, – хохотнул Юрген. – Ваш самонадеянный умишко отказывается понимать, что теперь я распоряжаюсь вашей жизнью.

– Я так не думаю, – граф улыбнулся одним уголком рта, в его глазах промелькнул холодный блеск. – Сколько сейчас времени?

– Что? Какая разница? – Юрген дернул плечом, губы его скривились презрительно.

Ситуация аховая, конечно. Шалтай убежден, что все идет по плану, что он, действуя по приказу советского руководства, захватил в плен одного из важных немецких функционеров и теперь ждет, когда кто-то явится его забрать, граф же со своей стороны...

Бл*ха, я пока до конца не понимаю, какого хрена тут творится. В машине граф вел себя чертовски странно. Будто все происходящее не только не было для него сюрпризом, но даже наоборот. Оно его полностью устраивало, будто все шло по плану. По ЕГО плану.

И тут мне жутко хотелось заорать Шалтаю: «Беги, дурак!»

Но я молча сидел, угрюмо повесив нос. И молчал. Потому что стоит мне это сделать, мои шансы выжить немедленно

ломанутся к нулю на первой космической скорости. Потому что пазл в голове медленно начал складываться.

– Котофей, – сказал вдруг граф по слогам. Он произнес это слово, будто не понимал его значения, а просто прочитал по буквам.

Зато Шалтай дернулся, как будто его ударили.

– Ага, вижу, ты знаешь, что это значит, – тонкие губы графа растянулись в улыбке. – Это ведь позывной твоего связного, верно? Того самого, через которого тебе пришел приказ доставить меня в это место, так?

Шалтай молча смотрел на графа. На его лице не дрогнул ни один мускул. Только скулы побледнели малость.

– Тебя очень давно пытались вычислить, Юрген, – сказал граф. – Но в Судетах ты как-то вывернулся и отвел от себя подозрения. А вот сейчас, видишь, не получилось у тебя. Ты принял этот приказ за чистую монету, а попал в ловушку.

В глазах Шалтая промелькнула тень какой-то эмоции. Боль, может быть.

– Знаешь, Юрген, мне всегда было интересно, каково это – жертвовать любимыми людьми во имя великой цели? – спросил граф. – Как звали ту девушку? Элишка? Ты же знаешь, что с ней случилось?

Опа... Вот теперь Шалтая, кажется, проняло. На мгновение его каменное лицо перекосило гримасой страдания.

– Видимо, она тебя очень любила, раз не выдала, – усмехнулся граф. – Несмотря ни на что. Она оказалась выносли-

вой девочкой.

– Замолчи, – прошипел Шалтай.

– А то что? – усмехнулся граф. – Ты проиграл, Юрген. Ты уже тогда проиграл, хоть и не понял этого. А сейчас мы просто наблюдаем... Закономерный финал.

Я слушал их разговор молча. Не знаю, что там произошло в Судетах, но это воспоминания причиняли Шалтаю дикую боль. Граф это знал.

А ведь буквально несколько часов назад я думал о том, что граф, в сущности, не такой уж и плохой человек, что убивать его необязательно, что пусть живет и наслаждается созерцанием произведений искусства и дальше...

Вот тебе, дядя Саша, кушай, не обляпайся, прекраснодушный идиот!

Я прикрыл глаза и мысленно сосчитал до десяти. Хорошо, что граф сейчас слишком увлечен моральным превосходством над Шалтаем и на меня не смотрит. Кажется, мое лицо сейчас так перекосило от ярости, что на нем чуть очки не потрескались.

...Девять... Десять...

Ты будешь гореть в аду, гнида фашистская...

Это в прошлой версии реальности ты благополучно дожил до преклонных лет в своем поместье. Здесь этого не будет. Я не позволю. Глотку тебе перегрызу, тварь. Будешь гнить в канаве где-нибудь под забором! В выгребной яме утоплю, ссука, только прослежу, чтобы ты не всплыл, как тот Вяз...

– А ты, кстати, знал, что этот твой «котофей» тоже девушка? – спросил граф. – Но она тебя не выдала только потому, что в лицо не знала, с кем работает. Она бы сказала, если бы знала. Во всем остальном, как мы видим, она не солгала. Раз ты принял безумный приказ о моем пленении за чистую монету. Слабовата девочка оказалась. Не то, что Элишка.

– А ты смелый, граф, – сказал вдруг Шалтай совершенно нормальным голосом. В котором даже сквозила ирония. – Никогда бы не поверил, что ты согласишься на такую авантюру. Я всегда считал, что свою жизнь ты ценишь больше всего остального.

– Вот видишь, как плохо ты меня знаешь, щенок, – холодно отозвался граф.

В комнате снова повисло молчание. Было слышно, как под дверью топчется один из подручных Шалтая. Вроде эти двое немцы, и водила, и второй. Интересно, как Юргену удалось их завербовать?

– Леербаха ты тоже завербовал? – спросил граф.

– Вот еще, – фыркнул Шалтай. – Он просто выполнял мой приказ, как ему по субординации и полагается.

– И ты думаешь, я тебе поверю? – тонкие губы графа снова расплзлись в ледяной улыбке.

– А мне плевать, верите вы мне или нет, – хмыкнул Шалтай. – Хоть пристрелите его, хоть ремней из спины нарежьте.

– Смотрите, герр Алекс, как он своего человека выгораживает, – граф посмотрел на меня. – Ааалекс, вы как будто

боитесь! Не бойтесь, этот дом окружен, нам с вами ничего не угрожает. У этого змея больше нет ядовитого жала.

– Не слишком ли вы оптимистично настроены, граф? – спросил Юрген, извлек из кобуры пистолет и положил его на стол. – Вы ведь загнали меня в угол, значит терять мне нечего. Моей жизни конец. Но вам-то я отомстить еще успею.

Неожиданно граф расхохотался. Искренне и весело, как будто слышал хорошую шутку.

– Конечно же, ты меня не убьешь, Юрген, – сказал он. – Или как правильно по-русски? Ю-ри-й Ифа-но-фич?

– И что же мне помешает? – скривил губы Шалтай. Держался он неплохо. Разве что лысина покрылась капельками пота, а по лицу и не скажешь, что он только что получил такой удар.

– Ваш ум, – сказал граф. – Я давно и неплохо вас знаю. Вы хладнокровный и гордый. И еще – вы понимаете, что жизнь ваша сейчас не закончится. И если вы подумаете еще немного, то поймете, что для вас все складывается как раз наилучшим образом. В войне ведь неплохо бы оказаться на стороне победителей, ведь так?

Лицо Шалтая окаменело. Несколько секунд он стоял неподвижно. Тихо было так, что слышно было, как в углу паук плетет паутину.

Гробовую тишину нарушил выстрел снаружи. Вскрик. Автоматная очередь. Еще один выстрел. Топот множества ног. На лице графа заиграла торжествующая улыбка.

– Вот и все, друг мой, вот и все, – сказал он. – Наша с вами драма приближается к развязке...

Лицо Шалтая вдруг перекошило. Он оскалился совершенно зверским образом и рванулся вперед. Я хотел крикнуть ему что-нибудь, но за какую-то долю секунды сообразил, что он задумал, и крик застрял у меня в глотке. Кулак Шалтая впечатался в висок графа. И тот вместе со стулом мешком повалился на бок.

– Я не должен попасть к ним в руки живым, – быстрым и совершенно нормальным голосом сказал Шалтай. В руке его блеснул нож. Он в какую-то долю секунды переместился за мою спину, сталь коснулась моей кожи, и я почувствовал, что руки у меня свободны.

– Юрген... – пересохшими губами прошептал я. – Может, граф прав, может в двойные агенты, а? Ты же не...

– Павел, – сказал Шалтай. – Меня зовут Павел Угрюмов. Нет времени. Скажешь, что я озверел, собирался убить графа, но ты схватил пистолет и выстрелил. Убей меня с одного выстрела, иначе замучают.

Шаги загрохотали практически у порога.

– Сдохни, фашистская гадина! – заорал Юрген, прыгнул на лежащего на полу бесчувственного графа и занес над ним нож. С грохотом распахнулась дверь. Я рванулся к столу и схватил пистолет.

– Хальт! – раздался окрик от двери.

Бабах! – грохнул в моих руках «вальтер».

На виске Юргена появилась круглая черная дырочка. Он успел повернуть голову и посмотреть на меня до того, как в его глазах потухли последние искры жизни. Губы его еще шевелились, когда тело уже медленно оседало на обшарпанные доски пола.

«Прощай, Шалтай, – подумал я. – Прощай, Пашка... И прости».

Глава 6

Паровоз издал пронзительный свист, и состав тронулся. Вокзал Пскова пополз назад, толпа провожающих на перроне засвистела и заулюлюкала. Орава мальчишек помчалась следом, выкрикивая какую-то кричалку, но через закрытые окна нашего вагона было не слышно, что именно они орут. Впрочем, я не особо прислушивался. Со вчерашнего дня мир как будто подернулся серой пеленой. Все, что произошло после смерти Шалтая слилось в мутное месиво. Я механически отвечал на вопросы, кивал, когда меня хлопали по плечу и хвалили.

Граф очень удачно пришел в себя как раз в тот момент, когда Юрген занес над ним нож. Меня довольно быстро оставили в покое по его приказу, и я поплелся, куда глаза глядят. Пришел в бар, заказал полстакана водки, жахнул безо всякого эффекта. Напиться хотелось жутко. Чтобы до изумления, до потери человеческого облика. Я заказал еще водки. Прошептал одними губами: «Спи спокойно, Пашка, я за тебя отомщу!» Выпил залпом и вышел.

Вернулся на работу, столкнулся в комендатуре с удивленной Доминикой, которая немедленно оттащила меня в сторону и поинтересовалась, какого черта я здесь, а не в Царском Селе, как планировалось. Отмахнулся. Мол, завтра буду. Послonyлся по коридорам еще какое-то время. Мою от-

страненность и растерянность все списывали на неопытность и излишнюю интеллигентность. Хвалили и подбадривали. Столкнулся с графом, который велел мне идти домой и ложиться спать. Мол, утром поезд. Только не в шесть, а в десять.

Спорить не стал, ушел. Закрылся у себя на чердаке, укутался с головой в одеяло. Голова была пустой.

И даже не то, чтобы смерть Юргена-Павла была чем-то особенным и до глубины души меня задела. Погибнуть он мог в любой момент. Как и я. Как и любой человек нашей с ним профессии. Погибнуть в неизвестности, среди врагов, без возможности попрощаться. Шалтай поступил профессионально. Я... Бл*ха, я раз за разом прокручивал в голове этот эпизод, пытаюсь понять, как можно было дать ему уйти. По его душу явился двадцать три человека. Я сосчитал. Двоих подручных Шалтая сняли сразу же, наповал. Его хотели взять живым. Я слышал, как абверовский гауптштурмфюрер сокрушался, что не получилось. Бесились они знатно, конечно. Эвона как, советский разведчик был у них прямо под носом, на виду, приказы раздавал, делишки свои красные крутил. А они проморгали. Прошляпили. Шепотом называли меня дураком и истеричкой.

Поезд качнуло. Я взял со столика бутылку воды и сделал несколько глотков. Хотелось хоть как-то смыть кисло-горький привкус во рту.

Граф, к счастью, еще до отправления был занят бесе-

дой с троицей военных искусствоведов. Да уж, отличное определение, ничего не скажешь. Эти трое носили стандартную эсэсовскую форму. Они представлялись, но запомнил я только того, который был пониже. Фамилия его была Пульман. В двух остальных вообще ничего не выдавало ценителей искусства. Рослые амбалы с вытянутыми арийским рожам и белозубыми улыбками. На вид им лет по двадцать пять-тридцать. Но при этом один из них защитил диссертацию, посвященную фонтанам в стиле барокко и водному искусству, а второй... Гм. Не запомнил, но тоже что-то возвышенное и особенное. Старшим среди троицы был Пульман. И все они заглядывали графу в рот и внимали каждому его слову.

Военные искусствоведы, бл*ха... Красиво фашики грабителей-мародеров обозвали. Специалисты по сортировке награбленного. Главная задача этих троих – сортировать захваченное по степени ценности, используя для этих целей свое высшее искусствоведческое образование. Хотя на вид они обычные эсэсовцы. При нашивках, наградах, звании и прочей мишуре.

Их разговор я не слушал. Сидел, уткнувшись в книгу носом, и делал вид, что читаю.

В составе этого поезда был только один вагон «для белых», тот самый, в котором мы ехали. Места там были сидячими, кресла стояли вокруг столиков, и, в принципе, были даже довольно удобными. Остальные вагоны были обыч-

ными товарными, но ехали там по большей части люди. Рядовые солдаты, парни и девки с повязками компании Тодта на руках, медики... Кажется, везли еще строительное оборудование – граница опять отодвинулась, хотели понастроить укреплений, чтобы русским отвоевывать эти места было труднее.

Я снова отхлебнул воды и поморщился.

Так. Хорошо раскисать, дядя Саша! Нет у тебя ни времени, ни возможности грамотно и по всей программе раскиснуть. И на тоску времени нет. Одна моя давняя знакомая, которая еще не родилась, очень любила присесть мне на уши, доказывая, что мне необходимо посещать психолога. Потому что, мол, если этого не сделать, то все мои проблемы вырвутся наружу, и я окончательно поеду кукухой. Может быть, она в чем-то даже и права. Взять того же «отличника», который одним махом превратился в настоящего законченного шизика. А ведь его всего-то галлюциногенной отравой напоили. Был человек – нет человека.

Я криво ухмыльнулся, представив, как я со своими проблемами являюсь к Кристофу Линдту, психотерапевту из института Геринга, которого занесло в Псков с командой Рашера, но он от всех обвинений как-то ловко увернулся и даже сохранил за собой кабинет и право на практику. На вид – совершеннейший псих. С усами, как у Сальвадора Дали, и все время в шляпе. Головной убор он не снимал нигде, поговаривают, что даже спать ложился в нем.

Я снова потянулся за водой, но обнаружил, что бутылка пустая. Надо бы подняться и сходить в начало вагона, там стоит несколько ящиков.

Встал, встряхнулся. Почувствовал, что вроде оживаю. Даже как будто мир стал поярче, краски какие-то в нем появились. «Вот видишь, дядя Саша, а ты говоришь, что в психологах толку нет, – подумал я, пробираясь в головную часть вагона. – Стоило тебе только подумать про психолога, как к твое тело сразу начал здоровый дух возвращаться!»

В этом вагоне друг у друга «на головах» не сидели. Он вообще, можно сказать, был полупустым. Кресел вокруг каждого столика было по шесть. Но ни в одном таком «купе» все места заняты не были. Трое искусствоведов и граф. Четверо угрюмых мужиков в оливковой форме компании Тодта. Четверо офицеров. Две дамочки сурового вида в строгих платьях. Все едут в захваченное четыре дня назад Царское село по каким-то важным делам.

Я прошел мимо компашки офицеров, и когда услышал слово «вервольф» невольно прислушался. Говорил вихрастый парень с выбитым передним зубом. В звании шарфюрера и с нашивками аненербе. Остальные офицеры были рангом повыше, но держались с ним на равных. Значит он из тех, кто «умом выделяется», а звание... Ну а что звание?

– ...старик был, – сделав круглые глаза вещал щербатый шарфюрер. – Жил в лесу, в избушке. Его в оборот взяли и расспросили, как да что. А он в отказ. Мол, не буду с вами

разговаривать, вам все равно уже ничего не поможет. Мертвые, мол, вы уже...

Я прошел мимо, достал из ящика бутылку воды и медленно пошел обратно.

– ...это у вас бы его просто расстреляли! – возразил кому-то щербатый. – У нас своя специфика, тут понимать надо!

– Ты не увиливай, давай, что было дальше? – нетерпеливо спросил один из офицеров.

– Он заладил про это самое проклятье, мол, нельзя здесь ничего копать.

Я прошел мимо компании и прикинул, что если сесть на противоположный ряд кресел, то мне будет отлично слышно, что щербатый рассказывает.

Я сел, снял с бутылки крышечку и развесил уши.

Мне не показалось. В рассказе щербатого речь шла про тот самый лагерь в лесах под Заовражино, который снесли в ноль партизаны Слободского в компании каких-то мутных, но грозных НКВД-шников. И что-то оттуда вывезли странное. А палатки и прочее – сожгли. И вот сейчас щербатый заливал своим слушателям в уши отборнейшую дичь. Мне даже захотелось шапочку из фольги надеть, чтобы мозги не закипели. По его словам под Заовражино сходились какие-то энергетические потоки. И на этом самом перекрестке поселиться могли только люди, обладающие особыми способностями. Остальные от этой энергии чахли и дохли. Так что в этом месте, где они копают, когда-то поставили языческое

капище Семаргла, которое потом заменила часовня, которую потом коммунисты сожгли. Но до настоящих сокровищ этого места коммунисты не добрались, потому что не знали, где искать. В отличие от Аненербе, разумеется.

Хм, а может и не такая уж и дичь... Если отбросить мистическую мишуру про энергию, капища и проклятия, то получалось, что нацистские ученые обнаружили место с историей, принялись его разрабатывать и что-то нашли. А в НКВД решили, что «такая корова нужна самому», в конце концов, находки на российской земле найдены. И устроили налет силами Слободского. И находки отобрали.

А Семаргл – он вроде похож не то на волка крылатого, не то на собаку. Так что волчьи или собачьи черепа, которые я мельком видел, вполне могли иметь отношения к тем давним временам, когда славяне еще были язычниками.

Хм... Надо что ли найти в архиве информацию про этого Семаргла. А то я и знаю-то про него, потому что один бульварный писатель его в своем романе упомянул. Узнаю побольше, глядишь и нападения вервольфа буду обставлять с еще большей фантазией...

В двадцать первом веке от Питера до Пскова поезд доходит за три с половиной часа. Сейчас же мы на восьмой час дороги добрались до Гатчины. Поезд остановился, и в нашем вагоне прибавилось пассажиров. Все до единого немцы.

Я остался сидеть не на своем месте, уж очень хотелось до-

слушать про похождения Вервольфа. Да и по соседству со мной никого не было. Количество фашистов на квадратный метр в вагоне и так зашкаливало, а в свете последних событий у меня на них вдруг образовалась жуткая аллергия.

В вагоне стоял тихий гул от доносившихся со всех сторон дорожных разговоров и приглушенных смешков. Слышен был звон стаканов бульканье походных фляжек. Фрицы втихаря прибухивали.

Я снова наострил уши, надеясь на продолжение рассказа, но чинную и размеренную обстановку в поезде вдруг нарушил чей-то гнусавый голос. Казалось, что поет орангутанг. Сразу захотелось посмотреть, что за примат. Да еще и звон какой-то и дребезжание вторило пению. Блин! Да это же балалайка!

Вагон устоялся на скрюченного, но живого и юркого, как суслик, деда в рваном ватнике нараспашку. Беззубым ртом он базлал частушки. Причем на немецком. С акцентом, от которого даже у меня уши задергались. Выучил несколько четверостиший и шпарил их под балалайку на частушечный лад.

Пел о важном и насущном. О том, как красавице Берте доброжелатели сообщили, что ее парень ей изменяет. А она сидела и гадала, какой из них. Потом затянул про фермера Ганса, у которого сына забрали на войну. Он написал домой письмо: «Папа, все хорошо, спим аж до шести часов утра».

Фрицы гоготали, и швыряли дедку монеты. Тот ловко со-

бирал их на полу, отвешивал поклоны с возгласом «Данке вам мерси, господа путешественники».

Шапка набекрень, на левой ноге сапог, на правой лапоть. Наступил на подол одной из дам, платье которой свесилось в проход. Та фыркнула и брезгливо одёрнула платье, а дед, извиняясь, полез вдруг целовать ей руки. Дамочка отшатнулась и опрокинула со своего столика дымящийся стакан с чаем. Тот пролился на какого-то унтера, ошпарив прямо область его фаберже. Прижег знатно, так как немчик взвизгнул, как резанная пороса. Вскочил петушком и залепил старику за-трещину.

Подпившие солдаты, расположившиеся на соседних сиденьях, увидев бесчинство унтера, попытались того урезонить. Факт прожарки фаберже ускользнул от их взгляда, они за-стали только развязку с оплеухой, которая им показалась вопиющей несправедливой по отношению к талантливому исполнителю, ведь этот чертов русский так всех веселил, а ему морду лица начистили «за просто так». Как он теперь петь будет?

Унтер, который судя по раскрасневшейся харе, тоже успел пригубить шнапса, был старше солдатиков по званию и, не церемонясь, отправил их к предкам по материнской линии, пригрозив к тому же комендатурой.

Солдаты отступили, но один из них швырнул в унтера скорлупой от вареного яйца, когда тот отвернулся. Скорлупа прилипла к лысине и вызвала смех той дамочки, из-за кото-

рой и начались оказии с кипятком. Унтер совсем разобиделся и сделал попутчице замечание, сравнив ее с работницей древней профессии.

Дама фыркнула и зарядила унтеру звонкую пощечину. Так, что у того скорлупа отвалилась. Ошпаренный, скорлупой закиданный и по щеке битый унтер совсем разобиделся и было схватился за пистолет. Но за даму вступился какой-то СС-вец. Как оказалось, он лично знал фройлен.

СС-вец грозно зыркнул на унтера и приказал занять свое мокрое место. Тот вроде подчинился, но что-то бурчал в ответ. Солдаты хихикали, дама улыбалась СС-овцу, а дед, оставив балалайку уже доколупался до других женщин, пытаясь сгнусавить романс. Все бы хорошо, но под романс балалайка совсем не шла. В конце концов, кто-то из высоких чинов встал и варварски вышвырнул в окно инструмент, а деду велел заткнуться, пригрозив ему расстрелом на ближайшей станции.

Дед старый, но жить все равно хотел подольше, чем путь до ближайшей станции. Песни больше не пел, а подсел к солдатам и тут же выклянчил у них пол стакана шнапса.

На спор выпил его, не закусывая и протянул руку с пустой тарой со словами:

– Не жмись немчура, Степан только разогреться начал. Пойло у вас гадское, но пить я вас научу.

Слава богу, сказал он это по-русски и в компашке солдат его никто не понял. Те лишь восхищенно раскрыли рты, гля-

дя как дед Степан заглотил еще пол стакана. Занюхал рукавом телогрейки, шумно выдохнул, крикнул и снова протянул стакан:

– Третий за баб, куда ж без них. Наливай за фрау, говорю. Че вылупился, лей полнее, а то рука отсохнет часто ко рту подносить.

– Фрау, фрау! – одобрительно загоготали солдаты и плеснули в стакан уже до самых краев.

Казалось, если бы с горкой можно было, то с горкой бы налили. Кто-то из них уже даже на спор деньги ставить стал, выпьет дед или скочурится.

– Чтоб вы сдохли! – улыбнулся дед тостом и снова хряпнул горячительное.

До дна выцедил, но уже не так бодренько. Глаза его сбились в кучу, а шапка совсем съехала. Он встал, пошатываясь и держась за спинку сиденья. Раскланялся, с улыбкой пожелав попутчикам скорейшей смерти и поплелся в мою сторону. Солдаты проводили его аплодисментами.

Ноги Степана подгибались и норовили разъехаться. Он добрел до моего сиденья. Я отодвинулся, пропуская его, но дед дальше не пошел. Путь самурая закончился именно возле моего столика. Он бесцеремонно плюхнулся рядом и смерил меня презрительным взглядом:

– Русский?

Я молча кивнул.

– Эх... Добрая балалайка была, – на его морщинистой ще-

ке картинно прокатилась слеза.

– Шел бы ты дед, поспать, – пробурчал я, задерживая дыхание, от паров застарелого перегара. – И по-русски сильно не балакай лишнего. Это хорошо, что тебя никто не понял. Но не все они по-русски не понимают.

– П-простите, – икнул дед. – Простите, вы не знаете, как на греческом языке сказать «спасибо»?

На меня уставились выцветшие, но абсолютно трезвые глаза...

Глава 7

– Эфхаристо, – машинально ответил я и на несколько секунд завис. Мне как-то в голову даже прийти не могло, что человек утонченной и аристократичной Доминики будет выглядеть... Эээ... Вот так. И как, простите на милость, я должен приблизить этого деревенского обрыгана к графу? А кого-нибудь еще более экзотического она мне подсунуть не могла? Ну, там, хасида с пейсами, скрипочкой и типичным одесским говором... Ну, разные же есть варианты. Чернокожий амбал или, там, китайский торговец с таракаными усами. Да, точно, в нашей компании сейчас только Фу-Манчу не хватает. «Герр граф, позвольте вам представить...»

Я бросил взгляд на усевшегося прямо на полу возле выхода из вагона Степана. Он пошарил за пазухой, извлек грязный сверток, развернул мятую газету и принялся с чавканьем жевать упакованную в нее снесь. На вид, словно бы на помойке найденную.

Фрицы перестали обращать на него внимание, потому что мы уже ехали по Царскому Селу. Точнее сказать, по развалинам Царского села. Уютный город Пушкин был изуродован воронками от взрывов, стекла в домах были или выбиты, или крест-накрест заклеены. Или забиты фанерой. Догорающий танк, вписавшийся в фонарный столб. Несколько повешенных на одном дереве. Компашка фрицев, глумящихся

над раздетыми догола людьми...

Сам собой включился режим «телевизора». Все эмоции приглушились и отодвинулись на задворки сознания. Так что я не отворачивался. Смотрел. И запоминал. В Пскове я не застал самых первых дней оккупации. А вот здесь...

Поезд остановился.

От вокзала осталась пустая коробка с выжженными окнами. Здания на привокзальной площади... Мозг мой старательно пытался наложить картинку «было-стало», но получалось плохо. Отказывалось мое сознание сопоставлять «пряничный городок» Пушкин из будущего и безжалостно разрушенное Царское Село сорок первого. Я видел старые фотографии, как оно все было. В музеях Царского села эти снимки хранятся в огромных количествах. Но я никогда их не рассматривал, так мазнул взглядом и мимо прошел. Как-то не приходило в голову, что я своими глазами это увижу.

Перрон был кое-как залатан досками, но в нем все равно еще зияли дыры. Никакой толпы встречающих не было – поезд деловито разгружался силами прибывших.

– Герр граф? – к компашке искусствоведов приблизился молоденький фриц, на вид вообще почти подросток, но уже с крестом и знаками отличия обершарфюрера СС. – Мне приказано проводить вас к месту проживания.

– А этот русский тоже с нами? – недовольно зыркнул в мою сторону Пульман. Двое других «искусствоведов» ощерились в издевательских улыбках, оглядывая меня с ног до

головы. Я стоял, привычным уже образом ссутулив плечи.

— Может быть, мне и правда расположиться где-нибудь... В казарме... — промямлил я, не глядя на графа.

— Не мелите чушь, герр Алекс! — отрезал граф и гордо вскинул породистый подбородок. — Если бы не вы, я дважды был бы мертв. Да, герр Пульман, Алекс Волкофф будет проживать со мной.

Я незаметно облегченно вздохнул. Граф был личностью импульсивной, хрен знает, что ему взбредет в голову в следующий момент.

А вот Пульману я не нравлюсь. Всю дорогу он подчеркнуто делал вид, что меня не замечает, зато сейчас сверлил глазами, как буравчиками. Я даже с опущенной головой его злобный взгляд ощущал.

Граф принялся отдавать распоряжения солдатам, которые тащили его багаж. Беспокоился за свой патефон очень. Ну да, конечно, как он без музыки-то своей переживет эти несколько дней...

Крытый грузовик вез нас по разбомбленному Царскому Селу. Мозг онемел, будто в него влили пару литров новокаина, так что я без лишних эмоции выхватывал из окружающей реальности сцены ожившего кошмара. Фрицы выволакивают из дома его обитателей. Таких обычных на вид. Полноватый дядечка в сером костюме, с уже оторванным с мясом рукавом, но чудом удержавшейся на голове шляпе. Дамочка в строгом платье. Вышла, пытаясь сохранить достоинство и

осанку. Фриц с вывалившимся над ремнем брюхом толкнул ее прикладом в спину, она неловко растянулась на брусчатке, усыпанной кирпичной крошкой. Двое подростков, мальчик и девочка. Девочка плачет, брыкается, парень пытается ее защитить. Старушка-божий одуванчик. С нее сорвали шаль, в которую она зябко кутала плечи.

Грузовик проехал. Сзади раздались два выстрела, крик нечеловеческой боли и дружный гогот.

Три уцелевших фонарных столба. На каждом – по двое повешенных.

Стол с тумбой, за которым восседает белобрысый парень с опостылевшей мне уже форме цвета «фельдграу». К столу вдоль посеченной пулями стены дома стоит очередь. Женщины, пожилые мужчины, подростки. У каждого в руках – паспорт. Ах, ну да. Регистрация жителей. Великому Рейху требуются рабочие руки.

На следующем столбе хрипло голосит матюгальник. Жизнерадостным голосом диктора он сообщает, что Царское Село освобождено от коммунистической заразы. И каждый сознательный гражданин, которому известно, где прячутся коммунисты, комсомолцы, пионеры и евреи, должен явиться в комендатуру или и немедленно сообщить.

Обгорелые стены. Воронки от взрывов. Неубранные все еще трупы, похожие на бесформенные кучи тряпок.

Даже мой внутренний голос заткнулся и никак происходящее не комментировал.

Апартаменты нам выделили в Александровском дворце. Перед колоннадой фрицы устроили кладбище. При виде надгробий из березы с табличками на немецком, я впервые за все время, которое я здесь, почувствовал хоть что-то.

Злорадство.

Хрен вам, а не легкая победа!

Кажется, уже сейчас до фрицев начало доходить, что не видать им никакого Нового года в родных Мюнхенах и Франкфуртах. Вон, уже начали укрепления возводить...

Когда мы устроились и расположились, уже стемнело. Графа поселили в просторных апартаментах в правом крыле, мне он от щедрот выделил целую комнату, с узкой кроватью, узким окном, столиком и вычурным ночным горшком. Видать, раньше там жил слуга прежнего хозяина. Раньше там еще стоял шкаф, но его грубо выволокли, на паркете зияли глубокие царапины. Электричество еще не восстановили, но свечей имелось в избытке, целая коробка. Толстые, восковые... Из церкви какой-то что ли их притащили?

– Завтра нам предстоит много работы, Алекс, так что ложитесь спать, – сказал граф, когда я, разложив свой нехитрый скарб в своей «опочивальне», зашел в его покои. Он сидел а роскошном золоченом кресле с атласной обивкой и читал книжку. На тумбочке рядом с ним стоял канделябр на пару десятков свечей. Мельком я подумал, что картина пря-

мо-таки, как кадр из исторического фильма. Дорожный костюм граф сменил на шелковую пижаму, свет свечей поблескивал на позолоте мебели.

– Да, герр граф, – я кивнул. – Спокойной ночи, герр граф!

Поспать, да. Поспать и выспаться – это было отличной идеей. Как там дальше сложатся дела, хрен знает. А тут у меня в кои-то веки довольно удобная кровать и – о чудо! – постельное белье!

В сон я провалился моментально и без прелюдий. Только голову до подушки донес, и вот я уже в стране Морфея. Каждый раз, засыпая, я надеялся на какие-нибудь волшебные озарения, откровения или подсказки. Даже мысленно иногда вопрос проговаривал. Ну давай, мол, мироздание, сформулируй внятно, что от меня требуется? Правильно делаю? Или неправильно? Может надо было мчать в Германию и Гитлера убивать, а я тут с этим графом ношусь, как с писаной торбой. Жизнь ему спас. Однажды. Шалтай его убивать не собирался, правда граф об этом не знает.

Ответы и озарения, ага. Как бы не так.

Как будто моргнул, и вот уже за окном акварельный сентябрьский рассвет. Где-то вдалеке кашляющий звук одиночных выстрелов. Лающая немецкая речь снаружи.

Я по-быстрому сгонял до столовой, пришлось там немного попререкаться с фрицами на раздаче, объясняя, кто я такой. Забрал порцию завтрака для графа, удалось даже кружкой кофе разжиться. По дороге я со всеми здоровался и

знакомился. Нужно было примелькаться по-быстрому. Стать привычной частью этого нового интерьера. Ну и графу еще раз продемонстрировать свою полезность и преданность, не без этого.

Екатерининский дворец был в весьма печальном состоянии, бомбили его совершенно нещадно. До янтарной комнаты мы в первый день даже не добрались. До обеда граф и его подручные бродили по уцелевшим запасникам, что-то сверяли в документах, обсуждали очередность вывоза ценностей. Ближе к вечеру граф вдруг стал нервозно поглядывать на часы. Будто у него была назначена встреча, на которую он опаздывал.

В шесть часов он решительно откланялся, вручил мне ключ от своих «апартаментов», сухо сообщил, что у него дела и ушел, оставив меня в обществе Пульмана и компании.

Ах, да! У графа же где-то в Царском Селе есть весьма осведомленный в музейных делах информатор. Вряд ли у него было время завести здесь других знакомцев.

Меня задерживать никто не стал, так что я беспрепятственно покинул превращенный в руины дворец и поискал глазами графа.

Бл*ха!

Иногда он очень быстро ходит... Где теперь его искать?

Ладно, доверимся интуиции. Я направился в сторону самых уцелевших жилых районов Царского Села. Оглядывал-

ся, в надежде увидеть светло-серый костюм графа.

Под ногами хрустела бетонная крошка. В поисках я забрел в безлюдную часть города, где камня на камне не осталось от жилых построек.

Мысленно корил себя, что упустил шефа из вида. Мне непременно надо было знать, с кем он встречается. Редкие местные жители, что попадались на пути, смотрели на меня искоса затравленными глазами. Все-таки моя униформа, хоть и не военного кроя, но относительно чистая и ухоженная, сразу выдавала во мне фашистского прихвостня.

Женщины шарахались от меня, а мужики, опусти глаза, молча сжимали кулаки, но ничего не говорили. Зато про себя, наверное, проклинали.

– Свой я свой... – тихо бормотал я.

Только громко нельзя говорить, да и не поверит никто. Эх... Сам не понял, как очутился в окружении развалин. Дальше тупик. Черт! Развернулся, в поисках дороги.

– Эй, товарищ, потерял чего? – за моей спиной вырос мужик в потертой кожанке. Галифе заправлены в сапоги. Морда чуть угловатая и загорелая, как у тракториста, но глаза умные и цепкие. На военного не похож, но по повадкам сразу видно, что не простой мужичок. Может комсорг какой-нибудь.

Судя по бегающим глазкам, он все время был начеку. Боялся, что фрицы его сцапают. А ведь сцапают. Не сейчас так после. Городок маленький, подполье здесь трудно организо-

вать. Да и кожанку на ватник поменять надо, чтобы не так в глаза фрицам бросаться. Видно, не успел еще.

– Ничего, – буркнул и я попытался пройти мимо.

Не тут-то было. Комсорг зарядил кулаком прямо мне в глаз. Вернее, он думал, что зарядил, но я был готов к такому повороту. Не вчера родился.

Уклонился в последний момент, и оттолкнул его от себя. Не бить же морду нашим.

Но «наши» оказались злыми. Неизвестно откуда вылезло еще двое, одежда у них была попроще, да и морды не слишком обременены интеллектом, но решительные и в доску советские. Вот влип, блин...

Рука машинально потянулась к заточке за голенищем. Нет... Не дело наших кромсать. Придется в чистую рукопашную работать. Хвала всем богам, у нападавших не оказалось огнестрельного оружия. Это еще раз подтвердило мои догадки, что мужики не из военных, а партийцы, до которых фрицы еще не добрались. Очевидно, ныкались в развалинах и теперь считали своим святым долгом, линчевать предателя, то есть меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.